0-770166

На правах рукописи

ЧЕРНЫХ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

ТРАДИЦИОННАЯ КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ РУССКИХ ПРИКАМЬЯ В КОНЦЕ XIX – СЕРЕДИНЕ XX ВВ. (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ)

07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург 2008

Работа выполнена в Отделе археологии и этнографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Научный консультант: доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор А.В. Головнев

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, Островский Александр Борисович (ФГУК «Российский этнографический музей»);

доктор исторических наук, Фурсова Елена Федоровна (Институт археологии и этнографии СО РАН);

доктор исторических наук, Щеглова Татьяна Кирилловна (ГОУ ВПО «Барнаульский государственный педагогический университет»).

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Самарский государственный педагогический университет»

Защита состоится 10 июня 2008 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте археологии и этнографии Сибирского отделения Российской
630090 г. Новосибирск, проспект Академика Лаврен

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ
0000437347

С диссертацией можно ознакомиться в библиот
этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

Автореферат разослан «19» апреля 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук С.В. Маркин

0- 770166

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования

Исследование посвящено календарным праздникам и обрядам русского населения Пермского края в конце XIX – середине XX в. Несмотря на то, что тематика календарных праздников и обрядов русских отражена в многочисленных публикациях, интерес к ней по-прежнему не ослабевает. Причину этого следует искать в самом феномене народного календаря, который, по мнению исследователей, составляет ядро всей традиционной культуры, позволяет глубже понимать разносторонние грани народного мировосприятия. По справедливому заключению А.Я. Гуревича, немного найдется таких показателей культуры, которые в той же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени.

Органическая взаимосвязь основных комплексов народного календаря с другими элементами традиционной культуры позволяет исследователям считать календарную обрядность «энциклопедией народного знания о мире»; она вмещает целый ряд комплексов, в которых отражена хозяйственная, бытовая, фольклорная, мифопоэтическая и этнолингвистическая традиция народа.

Повышенное внимание к традиционной народной культуре, в том числе к календарным праздникам и обрядам, в настоящее время обусловлено возросшим интересом общества к историческому и этнокультурному наследию. Востребованность научных исследований этнокультурной тематики на разных уровнях заключается в необходимости осмысления особенностей и закономерностей развития культуры, возможностей использования наследия в современном этнокультурном контексте. В этом аспекте научная актуальность работы обусловлена современным общественным интересом. Сохранение и актуализация этнокультурного наследия народов Пермского края в настоящее время ставится как одна из приоритетных задач национальной политики региона.

Исследования региональных вариантов культуры вызывает в последние годы все больший интерес. В процессе расселения русского этноса на огромных

пространствах Евразии его культура приобретала локальные особенности, отражающие сложный многофакторный процесс адаптации. На уровне региональных сообществ сложились оригинальные культурные модели.

Изучение календарных праздников и обрядов автором было предпринято на материале культуры русских Пермского Прикамья. Традиции Прикамья складывались в ходе переселенческого движения. Первоначально русскими в регионе осваивались территории Верхнего Прикамья, где уже в конце XV – начале XVI вв. складывается очаг старожильческого населения. Поток переселенцев в этот период шел в Прикамье из районов Русского Севера. В освоении южных районов, наряду с выходцами из Русского Севера, принимали участие переселенцы с Вятки, нижней Камы и Поволжья.

С середины XVII в. Прикамье приняло миграционную волну, связанную с расколом Русской православной церкви (по числу старообрядцев Пермская губерния в XIX в. занимала одно из первых мест в России). Становление горной промышленности в Прикамье в XVIII в., как и на всем Урале, также повлияло на этнокультурные процессы в крае. Формирование русского населения в последующие периоды происходило в основном за счет внутренних миграций. В XIX в. активно осваивались самые южные районы Прикамья, в этом процессе принимали участие выходцы как из Пермской, так и из Вятской губернии, а также из Казанской, Костромской, Нижегородской и Курской губерний.

Сходство хозяйственных занятий, единство природно-климатического ландшафта, близость демографических и экономических параметров и проч. обусловили сближение разных переселенческих компонентов. На основе их синтеза формировался неповторимый облик русской культуры различных районов Прикамья. Ее изучение имеет большое значение для понимания процессов распространения и развития русской традиционной культуры в контексте этнических и историко-культурных связей региона с Русским Севером, Приуральем, Поволжьем и Сибирью.

Таким образом, исследование календарных праздников и обрядов русского населения Прикамья актуально в нескольких аспектах: для решения задач изучения и реконструкции традиционной культуры восточнославянских народов в целом; для исследования ряда аспектов региональной этнографии;

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

для реализации прикладных задач современного этнокультурного и этносоциального развития региона.

Степень научной разработанности темы

Интерес к русской праздничной культуре Прикамья впервые проявился в первой половине XIX в. В работах историков Н.С. Попова, В.Н. Берха содержались описания некоторых праздников и обрядовых циклов. Новый этап в изучении темы начинается с середины XIX в., он характеризуется целенаправленным сбором материалов по народному календарю. В этот период появляются первые систематические и аналитические работы Н. Корнаухова, С. Буевского, Д.А. Петухова.

Среди сочинений второй половины XIX в. выделяются: статья Н.Л. Скалозубова «Народный календарь…» (1893) – это одна из самых полных работ по календарным традициям Среднего Урала, в которой представлен весь календарный год крестьянина-земледельца Пермской губернии; статья Ф.А. Теплоухова «Народное празднество «Три елочки …» (1892), в которой детально рассматриваются обряды Троицкого Заговенья и Радуницы и впервые на пермском материале ставится проблема взаимодействия русского и финно-угорского населения; статья Я.Г. Безрукова «Завивание венков и снаряжение березки на Троицкой неделе…» (1895), характеризующая обряды, приуроченные к Троицкой неделе.

В целом в дореволюционное время в российской этнографии была заложена источниковая база, ставшая основой для дальнейших научных исследований, и впервые поставлены проблемы своеобразия пермских традиций народного календаря. В первой половине XX в. изучение календарных праздников и обрядов русских Прикамья не активизировалось.

Вновь обращение к тематике календарных праздников характерно для 1950-х гг., когда появились обобщающие работы по русскому календарю. В это же время активно ведутся экспедиционные исследования, в том числе и в Прикамье. Однако внимание исследователей, в те годы работавших в Пермской области, в большей степени уделялось изучению проблем материальной культуры. Работы по календарной традиции русских Прикамья появляются в 1970-е гг. Календарные праздники и обряды старообрядческого населения

Верхокамья освещены в статье С.Е. Никитиной – проанализированы праздично-обрядовые циклы и впервые на пермском материале поставлена проблема конфессиональных особенностей и их влияния на бытование обрядности.

Новый этап в изучении календарных праздников и обрядов русского населения Прикамья начинается с 1990-х гг. и продолжается до настоящего времени. Этот период ознаменовался резким подъемом интереса к традиционной культуре народов Прикамья. К этому времени относится наибольшее число публикаций, посвященных народному календарю. Особенностью современных подходов к его изучению стало появление комплексных работ, соединяющих анализ этнографических, лингвистических и фольклорных материалов.

Всесторонне исследуются локальные традиции, что находит отражение в публикациях Г.Н. Чагина, О.Л. Кутьева, И.А. Подюкова. Другое направление современных исследований связано с появлением обобщающих работ по народному календарю русского населения Прикамья и Среднего Урала. Впервые целостное и системное представление о народном календаре русских Среднего Урала, о содержании его основных праздничных и обрядовых циклов дает Г.Н. Чагин. Символика календарных праздников, терминология народного календаря, отражение архаичных мифологических представлений исследованы на этнолингвистическом материале в монографии И.А. Подюкова. Итоги исследований автора настоящей работы также были отражены в серии публикаций.

Имеющиеся труды содержат богатый источниковый материал, в них намечены основные особенности структуры народного календаря региона и описаны отдельные обрядовые комплексы. В то же время результаты историографического обзора по календарной обрядности русских Пермского Прикамья свидетельствуют о неразработанности многих аспектов проблемы. Не показано своеобразие региональных, конфессиональных, социальных и проч. групп русского населения по их отношению к календарной традиции; не в полной мере раскрыта пермская специфика народного календаря в сравнении с другими русскими регионами. Отсутствуют карты и ареальные описания

народного календаря Прикамья. До настоящего времени нет обобщающей комплексной характеристики календарных праздников и обрядов русских Прикамья, которая бы соединяла календарную традицию, хозяйственную и семейную (свадебную, поминальную) обрядность.

Объектом данного исследования избрано русское население Пермского Прикамья. Основную часть населения Прикамья составляет русское старожильческое население. В едином массиве русских Прикамья по особенностям традиционной культуры выделяются несколько этнографических зон (районов) и соответственно групп русского населения. Географически в Пермском Прикамье выделяют северо-восточную и северо-западную зоны; ряд особенностей присущ русским традициям Обвинского поречья и Верхокамья, Чусовского и Сылвенско-Иренского поречья. Специфическую этнографическую группу составляют русские юго-западного Прикамья. Мозаичностью отличаются русские традиции самых южных районов Пермского края. К отдельной группе русского населения Пермского края можно отнести жителей уральских горных заводов – «заводских». В отдельную историко-этнографическую группу русских выделено старообрядческое население региона, представленное в Прикамье рядом согласий.

Предметом исследования является один из комплексов традиционной русской культуры – календарные праздники и обряды. Предмет изучения рассматривается в широком контексте, под «календарными» понимается значительная часть проявлений традиционной культуры, включающая не только ритуальные действия, но и фольклорные тексты, мифологические представления, терминологию и фразеологию. Такой подход к предмету исследования обусловлен представлением о календарной обрядности как целостной системе, неразрывно связанной с другими компонентами мировоззренческих представлений о мире и человеке.

Цели и задачи исследования

Целью настоящей работы является реконструкция комплекса календарных праздников и обрядов русского населения Пермского края, выявление внутренней структуры и содержания в системе традиционной культуры, выделение региональной специфики в период конца XIX – середины XX в.

Для достижения поставленной цели были сформулированы основные задачи:

1. Рассмотреть категорию времени в системе традиционного мировоззрения.

2. Определить специфику отдельных празднично-обрядовых комплексов, их место, значение и роль в календарной обрядности.

3. Выявить функции, семантику и специфику ритуальных форм в содержании празднично-обрядовых циклов.

4. Определить связь культурных форм народного календаря с другими элементами традиционных мировоззренческих представлений.

5. Выявить региональные и локальные особенности календарной обрядности русских с учетом влияния природно-климатических, хозяйственных, исторических, социальных факторов, иноэтнического окружения.

Территориальные рамки исследования определены естественным географическим и историческим районированием Среднего Урала и охватывают территорию его западной части – Пермского Прикамья в административных границах современного Пермского края. В XIX – начале XX в. эта территория относилась в основном к западной части Пермской губернии и включала уезды: Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский и Чердынский. Особенности географического положения во многом определили судьбы традиционной культуры русских региона. Именно эта территория находилась на магистральном пути из северных и центральных районов России в Сибирь. Прикамье было исторически тесно связано с Русским Севером, Поволжьем и Приуральем, Вятским краем.

Разнообразные характеристики Пермского края – географическая специфика, обособленность от соседних регионов, единство хозяйственных занятий, исторические, демографические, конфессиональные и проч. особенности, позволяют рассматривать его как особую этноэкологическую и этнокультурную зону, для которой характерно единство традиционной русской культуры при разнообразии локальных вариантов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XIX – до середины XX в. Это период активного бытования календарной обрядности как целостного комплекса в системе традиционной культуры. Исследование именно этого периода обеспечено репрезентативной источниковой базой, что и позволяет в полной мере провести реконструкцию явлений народного календаря согласно цели и задач исследования.

Методика и методология исследования

Традиционный народный календарь русских, с учетом региональных традиций, – явление сложное и многоаспектное. Его интерпретация возможна в рамках различных методологических приемов. Основные концептуальные подходы исследования:

– Комплексный подход – календарные праздники и обряды русских Прикамья рассматриваются как целостная система, в совокупности всех ее проявлений. Значительное внимание уделено не только материалам, раскрывающим содержание праздников, обычаев и обрядов, но и терминологии, фразеологии, мифологическим представлениям, фольклорным текстам, т.е. практически всем проявлениям традиционной культуры, так или иначе соотносимым с календарной обрядностью.

Обращение к методологии нескольких научных дисциплин обусловлено самим предметом исследования, интерпретация которого в рамках этнографического исследования невозможна без анализа терминологического и лексического материала, фольклорных текстов. Только в этом случае достигается определенная целостность в изучении календарной обрядности. Использование в работе значительного числа лингвистического материала обусловлено тем, что терминология календарной обрядности является выражением культурной семантики того или иного обряда или праздника.

– Контекстуальный подход – календарная обрядность исследуется как составной компонент традиционной культуры, что диктует необходимость обращения к народному мировоззрению, к космологии, хозяйственным, семейным и бытовым традициям. Такой подход позволяет прояснить семантику анализируемых явлений в контексте народной культуры.

Представления о времени, структура, содержание и семантика праздников и празднично-обрядовых циклов соотносятся с основными представлениями о том или ином сезоне или периоде года. Рассматривать обрядовую наполняемость каждого праздника целесообразно только в контексте обрядности всего периода. Условность календарной приуроченности и подвижность многих ритуалов в течение сезона являются главными причинами существенной вариативности локальных традиций. В структуре народного календаря та или иная праздничная или другая почитаемая дата становится «узловым пунктом», собирающим вокруг себя значительное число обычаев.

– Сравнительный подход – в исследовании предпринят анализ одного из региональных вариантов календарной обрядности, представляющей составную часть русской и восточнославянской традиционной культуры. В локальных вариантах выявляется универсальный комплекс мировоззренческих представлений, культурных форм и его варианты. Региональный и локальные комплексы календарной обрядности русских Пермского Прикамья соотносятся с особенностями этнокультурного ландшафта региона.

Сравнительный анализ позволяет выявить: механизмы трансляции этнокультурных традиций, степень сохранения универсальных и проявления специфических черт этнической культуры, степень подвижности и вариативности инноваций. В конечном итоге этот подход позволяет оценить адаптационный потенциал этноса в условиях формирования и функционирования регионального культурного комплекса.

Существенными для нашего исследования представляются и следующие методологические позиции:

– Календарные праздники и обряды анализируются по основным сезонам (весна, лето, осень, зима), деление на которые связано как с природно-фенологическими изменениями, мифологически осмысленными в народном мировоззрении, так и с основными хозяйственными циклами. В главах работы праздники и почитаемые дни даны не столько в хронологической последовательности, сколько в контексте доминирующих в данном сезоне культурных концептов. Эти основные концепты, связанные с тем или иным сезоном, как правило, не приурочены к одному празднику или праздничному

циклу, а являются для времени года сквозными (в летнем цикле отдельные разделы посвящены сенокосной обрядности, «грозным» праздникам, запретам и предписаниям на первые плоды).

– Значимым явилось и пристальное внимание к локальным вариантам тех или иных проявлений календарной обрядности. Духовная культура, по определению В.А. Лапина, представляется как «система локальных традиций» (1995), что можно отнести и к другим проявлениям традиционной культуры. В свою очередь локальная традиция является сложным историко-культурным феноменом, сформировавшимся под воздействием множества разнообразных факторов.

В основу анализа собранного материала были положены приемы, используемые в исследованиях традиционной культуры. Определяющими явились положения историко-этнографических исследований В. И. Чичерова, В. К. Соколовой, М. М. Громыко, Т.А. Бернштам, И. Ю. Винокуровой, Е. В. Поповой. Важными в методологическом отношении в рамках этого направления явились исследования, характеризующие локальные и региональные традиции русских других регионов (Ф.Ф. Болонев, Е.Ф. Фурсова, Г.В. Любимова, Т.Н. Золотова и др.).

Методологические подходы этнолингвистических исследований славянской духовной культуры разработанные в трудах академика Н.И. Толстого, позволяют вскрыть истоки календарных традиций, механизмы их функционирования на фоне славянской обрядности в целом. Традиционная духовная культура представляется как органический синтез словесных форм, фольклорных текстов, обрядовых действий и представлений, на основе комплексного исследования которых возможна реконструкции архаичной картины мира и мифопоэтических ее основ. Наиболее полно исследование весенне-летней календарной обрядности славянских народов в рамках этнолингвистического подхода было предпринято Т.А.Агапкиной (2002). Подходы, предложенные исследователем, оказали существенное влияние при подготовке нашей работы.

Широкое применение в работе нашли структурно-функциональные и структурно-типологические подходы, предложенные Б. Малиновским,

В.Я. Проппом, П.Е. Богатыревым. Наиболее близким нам представляется подходы В.Я. Проппа, который прослеживает повторяющиеся элементы праздников на материалах годового цикла, выявляя их семантику.

Большое значение для диссертации имели исследования, посвященные анализу мифологической картины мира русских на основе семиотического похода. Это работы Д.К. Зеленина, В.В. Иванова, В. Н. Топорова, Т. В. Цивьян, А. Я. Гуревича, Е. М. Мелетинского, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, А.К. Байбурина. Опираясь на методологию исследований в этом направлении, возможно рассматривать народный календарь русских Прикамья в контексте традиционной картины мира, а также реконструировать некоторые архаичные пласты верований, которые сохранились в более поздних обрядовых формах во взаимосвязи с другими комплексами.

В целом данное исследование построено на использовании общенаучных методов анализа, синтеза, аналогии, систематизации и классификации, а также на принципах историзма, объективности, конкретности, интеграции различных видов источникового материала.

В то же время предмет исследования, его цели и задачи обусловили использование специальных методов. Для сбора эмпирического материала применялись приемы полевого этнографического исследования. Основными для систематизации и анализа материалов служат сравнительно-типологический и сравнительно-исторический методы этнографического исследования.

Метод типологического анализа позволил обобщить обширный и разнообразный эмпирический материал, выделить основные типологические элементы в структуре каждого праздничного и обрядового цикла (как на синхронном, так и на диахронном уровнях), выявить универсальные и уникальные варианты форм обрядности, общие и локальные ее проявления. Частным методом в рамках сравнительно-типологического подхода следует назвать метод картографирования и выявления ареалов распространения основных обрядовых форм и народной терминологии.

Сравнительно-исторический метод необходим был для анализа явления в его развитии, во взаимосвязи с другими составляющими традиционной

культуры, в контексте формирования этнокультурного ландшафта региона, во взаимосвязи с этническими культурами финно-угорских и тюркских народов Прикамья, при учете социальных и конфессиональных особенностей отдельных территорий и групп русского населения края.

Использование современной методологии и методик в изучении регионального варианта народного календаря русских Прикамья является гарантией в достижении цели исследования.

Источниковая база исследования многообразна. Корпус источников включает: полевые материалы, архивные собрания, музейные коллекции, опубликованные источники, фольклорные своды и словари.

Полевые материалы. Основной источниковой базой настоящей работы стали авторские полевые этнографические материалы. Экспедиционные исследования 1992 – 2007-х гг. позволили собрать обширный материал, раскрывающий основные комплексы календарной обрядности русских Прикамья. За период с 1992 по 2007 г. автор принимал участие (и являлся руководителем) более 50 экспедиционных выездов на территории значительной части Пермской области и Коми-Пермяцкого округа. Полевыми исследованиями были охвачены основные ареалы проживания русского населения в крае, всего 25 административных районов из 34 сельских администрации, а также 6 районов сопредельных территорий Кировской и Свердловской областей, Республик Татарстан и Марий Эл.

В ходе многолетней полевой работы изучалось: как старожильческое население, так и поздние переселенцы; сельские жители и горожане, потомки помещичьих и государственных крестьян, частновладельческого и казенного заводского населения. Исследовались различные конфессиональные группы: православные и старообрядцы (поморские, белокриницкие, беглопоповские, часовенные, бегуны, или странники).

Особое внимание уделялось полевой работе в зонах активных межэтнических контактов, где русское население проживало по соседству с коми-пермяками, татарами, башкирами, удмуртами, марийцами. Сбор полевого материала по календарной обрядности осуществлялся по специально

разработанной авторской программе. Собранная информация отражала состояние традиции с конца XIX – первой половины XX в.

Основным при сборе информации был метод интервью. Методом непосредственного наблюдения фиксировались бытующие в настоящее время праздничные и обрядовые комплексы. Проводилась также видео- и фотофиксация календарных праздников и обрядов, предметов материальной культуры, задействованных в ходе подготовки и проведения праздника, в ритуальных действиях. Достоверность полученных в ходе полевых исследований материалов была обеспечена их массовостью, повторяемостью, множественностью вариантов, отражающих осмысление явления разными носителями традиции, взаимодополняемостью и взаимопроверяемостью полевых материалов другими видами источников.

Собранный полевой материал позволяет в полной мере провести реконструкцию календарной обрядности как в целом на территории Прикамья, так и в отдельных локальных сообществах, выявить ареалы распространения того или иного явления. Значимость именно полевых источников определяется тем, что все другие источники, даже в совокупности, не позволяют составить целостного представления о народном календаре русского населения региона. В то же время полевые материалы, собранные в конце XX – начале XXI в., когда календарная традиция переживала период угасания, обусловили необходимость использования для реконструкций источников более раннего периода – конца XIX – начала XX в., как опубликованных, так и материалов из архивных и музейных собраний.

Архивные собрания. В ходе исследования использовался корпус источников, хранящихся в районных, областных и российских архивах, музейных и рукописных собраниях. Использование архивных источников позволило восстановить особенности бытования ряда обрядовых комплексов с середины XIX – до начала XX вв.

Самые ранние источники, датируемые серединой – второй половиной XIX в., содержатся в архиве Русского географического общества (г. Санкт-Петербург). Этнографические материалы, датируемые второй половиной XIX – началом XX вв., были получены из фондов Государственного архива Пермской

области и музейных собраний. Архивные материалы позволили не только увеличить объем собственных полевых материалов, но и расширить географические рамки исследования, активно используя полученный материал для сравнительного и типологического анализа.

Были изучены и привлечены для исследования рукописные фольклорно-этнографические материалы из фондов лаборатории «Фольклор Прикамья» (при кафедре русского языка и литературы) Пермского государственного университета, Центра этнолингвистики (при кафедре общего языкознания) Пермского государственного педагогического университета.

В ходе работы были изучены коллекции Российского этнографического музея, Пермского областного краеведческого музея, муниципальных краеведческих музеев Пермской области.

Опубликованные источники по исследуемой тематике немногочисленны. Основная часть публикаций по народному календарю приходится на вторую половину XIX – начало XX в. Большая часть работ этого периода опубликована в местной периодической печати. Отдельные сведения о народном календаре имеются в очерках, записках путешественников, географических словарях. Несмотря на то, что тематика календарных праздников и обрядов представлена в опубликованных источниках фрагментарно, они представляют особую значимость для уточнения описаний, собранных в более поздний период. Опубликованные источники существенно дополняют имеющиеся полевые и архивные материалы.

Таким образом, для подготовки исследования был выявлен и использовался обширный корпус источников. Собранный полевой, архивный и частью опубликованный материал репрезентативен для раскрытия темы, дает коррелируемую достоверную информацию и позволяет всесторонне осветить особенности календарных праздников и обрядов русского населения Пермского Прикамья в заданных хронологических рамках, провести необходимую реконструкцию и анализ для решения поставленных цели и задач исследования.

Научная новизна исследования

Диссертация является первым комплексным этнографическим исследованием календарной обрядности русского населения Прикамья. В научный оборот вводится обширный, ранее неопубликованный материал, полученный в ходе многолетних полевых исследований в Пермском крае и сопредельных территориях, а также в результате архивных изысканий. Впервые на пермском материале подробно рассмотрены: особенности представлений о времени; структура и семантика народного календаря в широком контексте русской традиционной культуры Прикамья в региональном, ареальном и локальном аспекте. В работе выдвигаются новые подходы к анализу структуры календарной обрядности, выявляется специфика региональной традиции, особенности функционирования календарной обрядности в разных региональных, локальных, социальных и конфессиональных группах русского населения Пермского края.

Путем сравнения исходных и переселенческих традиций выявляются особенности и анализируются механизмы адаптации календарной обрядности, степень ее сохранения и эволюции. В диссертации впервые применен комплексный подход для исследования проблем календарных праздников и обрядов с привлечением исторических, этнографических и фольклорных источников. Календарь русских Прикамья впервые проанализирован в связи с историей заселения региона и межэтническими взаимоотношениями.

Научно-практическая значимость работы определяется тем, что в исследовании решена проблема реконструкции календарной обрядности русского населения Прикамья. Ее основные положения, выводы и методологические подходы могут быть использованы при анализе широкого круга явлений традиционной культуры, для решения ряда конкретных этнографических и общих культурологических проблем.

Научная значимость исследования заключается в осмыслении основных закономерностей развития традиционной культуры этноса в целом, а также ее региональных и локальных вариантов. Материалы и выводы исследования могут быть использованы для анализа традиционной культуры русских Урала,

Сибири, Поволжья, Русского Севера и для изучения календарной обрядности других народов.

Кроме того, материалы и выводы, представленные в диссертации, могут найти применение при подготовке лекционных курсов и учебников по этнографии и фольклористике; могут использоваться в практической работе учреждений образования и культуры.

Подобный опыт уже существует в образовательных, музейных и культурных учреждениях Пермского края. Материалы настоящей работы были положены в основу специализированных курсов для студентов историко-политологического и географического факультетов Пермского государственного университета, исторического и филологического факультетов Пермского государственного педагогического университета. Они были апробированы на курсах повышения квалификации и в методических разработках Центра этнопедагогики Пермского краевого института повышения квалификации работников образования. Авторские материалы использовались в ходе экспериментальной работы по освоению опыта народной культуры в средних образовательных учреждениях Пермского края.

Данные, положенные в основу диссертации, привлекались при организации выставок и экспозиций Пермского областного краеведческого музея и его филиала – архитектурно-этнографического музея «Хохловка».

Апробация исследования

Основные положения и результаты исследования были представлены и обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях в Москве (1999, 2000, 2007), Санкт-Петербурге (2005, 2006, 2007), Сыктывкаре (2000), Екатеринбурге (2005, 2006, 2007), Омске (2003), Ижевске (2000, 2005, 2007), Саранске (2007), Уфе (2006, 2007), Перми (2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007), Кудымкаре (2005).

Основные положения диссертации опубликованы в монографиях, ведущих рецензируемых российских научных изданиях, материалах международных, всероссийских и региональных конференций. По теме диссертации опубликовано 56 работ с общим объемом авторского вклада 138,8 п.л., в том числе 5 авторских и 5 коллективных монографий.

Структура диссертационного исследования

Исследование состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, указателя экспедиционных маршрутов автора 1992-2007 гг. В приложении помещены: программа сбора материала по календарной обрядности русских Прикамья, список основных информаторов (более 600 имен), карты ареалов бытования обрядовых комплексов и терминологии, подборка фотографий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность, степень научной разработанности проблемы и ее научная новизна, сформулированы цели и задачи, предмет и объект исследования, территориальные и хронологические рамки, методологическая основа диссертации, проанализирован комплекс используемых источников.

Первая глава – «Представления о времени в традиционном мировоззрении русских Прикамья» – раскрывает комплекс представлений, связанных с особенностями восприятия времени. Для каждого отрезка времени (сутки, недели, месяцы, годы) исследуются обозначающие их народные хрононимы; анализируется структура временного отрезка, а также мифологические и обыденные особенности его восприятия.

Предметом исследования является символизм календарных обрядов. При этом в работе излагаются теоретические подходы к проблеме определения символа, его функций в традиционной культуре. Акцентируется: множественность, вариативность и полисемантичность символа в контексте обряда, различные формы использования символа в ритуале – от обрядового изготовления и манипуляций с ним до словесного указания на символический объект. Характеризуются основные группы символов, задействованных в календарной обрядности: числовые и цветовые, зооморфные, орнитоморфные, растительные, символы из мира природы и космоса, бытовой и производственной сферы.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что народный календарь характеризуется синтезом разновременных и разноплановых представлений, включая: представления о структуре суточного и годового времени, систему его счета, фенологический календарь, метеорологические и астрономические наблюдения, сельскохозяйственный опыт и представления о жизненном пути человека.

В ходе изучении русских традиций Прикамья была выявлена сложность и развернутость народного календаря. Она видится в иерархии и соподчиненности годового, месячного, недельного и суточного циклов, во множественности оценок времени, разнообразных символах, задействованных в календарной обрядности, в тесном взаимодействия со всеми компонентами традиционной картины мира в бытовании множества хрононимов. Традиционный календарь отличался оценочными характеристиками времени (включая представления о «благоприятных» и «неблагоприятных», «мужских» и «женских» периодах, буднях и праздниках и т.д.). Они были призваны освоить, упорядочить течение времени, ввести в его ход «культурный» ритм.

В конце XIX – первой половине XX в. народный календарь русских Прикамья базировался на разнообразных системах счета времени, учитывавших солнечный и лунный, хозяйственный и фенологический, церковный и гражданский календари, основанных на юлианском и григорианском календарях. Он представлял собой многослойный комплекс часто разрозненных, противоречивых и взаимоисключающих элементов. Сложно говорить о стройной схеме представлений о времени, она очень вариативна на локальном и региональном уровнях; в ней используются разные точки отсчета, разные символы, разные мифологические статусы одного и того же периода времени.

Множественность критериев для оценки времени, активное взаимодействие церковного и народного календаря, книжной и устной традиции определили многообразие календарных представлений, гибкость календарной системы, которая в каждой конкретной ситуации прибегала к использованию наиболее подходящего компонента. Большое разнообразие в праздничный календарь и структуру суточного и годового времени вносили

различия в отсчете праздничного и непраздничного времени. Гибкость народного календаря, основанная на множественности критериев, возможность его приспособления к различным природно-климатическим, хозяйственным, социальным и другим особенностям явились одной из причин устойчивости представлений о времени у русских на всей территории проживания этноса и, во многом, причиной того значительного влияния, которое оказала русская календарная традиция на соседние народы.

Во второй главе «Весенний период народного календаря» анализируется комплекс весенней обрядности русских Прикамья. Весенний цикл праздников и обрядов один из самых развернутых. Многочисленность праздников, их богатая символика, насыщенный комплекс представлений – все это обусловлено важностью данного периода в народном земледельческом календаре. Весна осмысливается как время обновления природы, начало нового природного и хозяйственного циклов. Наиболее значимые комплексы обрядности весны группируются вокруг христианских праздников Пасхи и Троицы. Именно они маркировали порубежное время – переход от зимы к весне, от весны к лету. Основные элементы весенней обрядности связаны с символикой новой жизни и плодородия.

Первый раздел главы посвящен обрядности пасхального цикла. Отнесенность к началу нового природного и хозяйственного цикла определяет одну из особенностей пасхальных праздников – именно это время сохраняло прогностическое значение для всего года. С большинством праздников пасхального цикла также связывался комплекс апотропейных и очистительных ритуалов, прежде всего связанный с Великим четвергом.

В комплексах обрядности Вербного воскресенья и Великого четверга, Пасхи устанавливается восприятие пасхального времени как сакрального, когда могли изменяться пространственные характеристики и границы, появлялась возможность контактов с иным миром (*«всю Пасхальную неделю райские ворота открыты»*). Пасхальное время, как и любой другой переходный календарный отрезок, наделялось также символикой опасного: «Страшная» неделя перед Пасхой, запреты заходить в ночь на Пасху в хозяйственные

постройки, охранительные обычаи «закрещивать» и окроплять жилые постройки в ночь на праздник.

С Пасхой связывался целый комплекс очистительных обрядов. Разнообразными в Прикамье были формы «встречи Христа», соотносимые с церковными службами, обычаи «гаркать Христа» перед божницей или в печную трубу. Наибольшей сакральностью наделялось время первого произнесения пасхального приветствия, выступающее началом отсчета нового времени. Именно к этому моменту приурочивался целый комплекс ритуалов с прогностической символикой.

В разделе рассматривается также комплекс представлений и ритуалов с пасхальными яйцами, распространение в регионе игр с яйцами. Отдельный сюжет посвящен исследованию атрибутов, используемых для украшения жилища и божницы (соломенные фонарики, птички, «голуби», «мизгири», паутины, ветки пихты). Анализируется структура, формы и особенности качаний на качелях, другие игры и развлечения молодежи, их символика в контексте пасхальной обрядности и традиционного мировоззрения.

Второй раздел главы посвящен праздникам троицкого цикла, завершающим весенний период. В нем рассмотрены обрядовые комплексы Вознесения, Семика, Троицы, Заговенья. Исследуется структура и символика основных обрядовых форм праздника: действий с березкой, игр с яйцами, троицкого ряженья. Особое внимание уделено анализу вариативности троицкой символики, береза – не единственный символ праздника, распространено обрядовое использование калины и черемухи, троицкой травы.

В локальных традициях известны и разнообразные варианты «троицкой березки». Вместо деревца используются лишь украшенные березовые ветви. Символом праздника была «березка», сделанная из палок и одетая в сарафаны и запоны. Отмечены и другие антропоморфные символы – «березкой» называли девушку, украшенную березовыми ветками и венками, куклу из березовых веток.

Обширный материал по локальным традициям позволяет достаточно полно представить и ареалы распространения вариантов троицкой обрядности в Прикамье. Выявленные ареалы свидетельствуют о разном обрядовом

наполнении праздника – от полного отсутствия действий с березкой на Троицу до сложных обрядовых действий. Для Прикамья характерно бытование двух основных комплексов троицкой обрядности – северного и южного. В северном были не известны гадания с венками на Троицу; обрядовые действия сводились к установлению березок у домов, в некоторых районах – к украшению березки. В южном были развиты ритуалы завивания венков на Семик, или Троицу, и гадания с ними, повсеместно было известно украшение березки.

Известный автор В.К. Соколова выявила три комплекса троицкой обрядности у русских: основной центрально-поволжско-сибирский, южнорусский и северный. Пермское Прикамье в этой классификации занимает пограничное положение: если троицкая обрядность Северного Прикамья тяготеет к северному, то в Южном Прикамье наблюдаются черты центрально-поволжско-сибирской традиции.

При исследовании обрядности Троицкого Заговенья, известного под названиями: *Троицкое Заговенье, Маленькая, Вторая Троица, Петровское, Вешное, Великое, Веселое, Гульное, Цветковое, Крапивное, Пиканное, Дикое, Дурное Заговенье, Ржавчинка, Токмач, Чупрай, «Олень золотые рога», Соловая Кобылка, Проводы весны,* – выявляется сложный и многокомпонентный характер праздника, разные по происхождению источники ее формирования.

Некоторые элементы праздника Заговенья связаны с весенней символикой – обычаи катать яйца, играть в хороводах известны для всего периода от Пасхи до Заговенья. Переходное положение праздника на границе весны и лета и отсутствие собственной обрядности были причиной приуроченности к этому дню обрядов троицких, купальских и петровских. С комплексом обрядности Заговенья их роднит «развивание венков», «снаряжение березки». Праздник включил в себя множество разных обрядовых элементов, при этом каждый локальный комплекс имел свои особенности, что явилось причиной высокой вариативности обрядности Заговенья в Пермском Прикамье.

В связи с праздничной обрядностью в разделе о сезонных изменениях в природе анализируются представления, связанные с таянием снега, ледоходом, наступлением теплой погоды. Так, наступление летнего тепла связывали с

праздником Вознесения, в южных районах – с Семиком (*«Покойники загребутся, скалозубы соберутся, и тепло будет»*).

Увеличение продолжительности светового дня также соотносилось с календарными датами весны. Запрет «зажигать свет» в домах с Благовещенья распространяется на все время до Ильина дня. Весна вносила изменения в суточный распорядок: с Благовещенья переставали сумерничать, запрещался дневной сон.

Проводы реки, большой воды были связаны с завершением зимы, которую и олицетворяет лед. Проводы реки имели общие черты с другими весенними обрядами и также были связаны с символикой очищения.

Особо отмечалось в календарных приметах появление первой растительности. Приметой наступления весны, пробуждения земли, вегетации растений, начала хозяйственных работ считается первый гром. Целый комплекс примет о первом громе был связан с символикой «первого», «начального», они сохраняли свое прогностическое значение на весь годовой цикл.

Необходимость активного наблюдения за природными процессами именно в весенний период обуславливалась началом нового природного цикла и возобновлением хозяйственной деятельности. В народном календаре русских Пермского края так или иначе отразились и были осмыслены все весенние фенологические изменения.

Пробуждение природы связывалось и с появлением насекомых и прилетом птиц. Выявлению ареалов распространения и анализу ритуалов встречи птиц посвящен четвертый раздел главы. Одной из форм обрядовой встречи птиц в Прикамье было приготовление орнитоморфных хлебцов – «жаворонков». Выпекание «жаворонков» «на Сороки» имело в регионе два ареала распространения. «Северный» ареал ограничивается территорией Чердынского района. Особенностью бытования «жаворонков» в этом ареале являлось отсутствие каких-либо ритуальных действий и фольклорных текстов, связанных с ними. Типологически чердынские «жаворонки» были близки обычаям приготовления обрядового печенья на Севере России и в Верхнем Поволжье. «Южный» ареал бытования «жаворонков» ограничен несколькими деревнями в Куединском районе. Основным обрядовым действием,

совершаемым с «жаворонками» в этой традиции, было подбрасывание их вверх и произнесение закличек. «Жаворонки» в этом ареале типологически восходят к традициях русских Поволжья.

Характерными для Прикамья были обряды встречи плишки/трясогузки (*встретенье плишки, кашке-плишке, плишка, похороны плишки),* ареал бытования которых ограничивался северо-восточной территорией Пермского края. Сроки проведения «плишки» варьировались в период от Пасхи до Троицы. Местом проведения обряда повсеместно избирались высокие места – горы и холмы, камни-скалы. Обрядовая наполняемость имела существенные локальные особенности (обрядовая трапеза с приглашением на нее душ предков, качание на качелях, игры и хороводы, изготовление орнитоморфного чучела, угощение птиц и т.д.). В этих действиях прочитывается связь с представлениями о прилете птиц, о встрече весны, ритуалы направлены на обеспечение благополучия и урожайности в будущем году, связаны с поминальной обрядностью.

Отдельный раздел посвящен календарным датам и ритуалам, связанным с весенними полевыми работами. Начало аграрных работ обусловило значительное число примет и поверий, связанных с пахотой и севом. Календарные даты начала и завершения тех или иных работ являлись контрольными ориентирами при выборе наиболее благоприятных сроков. Гибкость системы хозяйственного календаря достигалась оптимальным сочетанием и использованием календарных сроков и погодных примет, что позволяло варьировать сроки в зависимости от погодных условий. В приметах, поверьях, запретах, обрядовых действиях мы наблюдаем органическую связь трудовых традиций земледелия с комплексом мифологических представлений. В Прикамье развернутыми были представления о сроках весенней пахоты под яровые, о начале сева; в то же время ритуалы начала пахоты и сева развиты слабо. Большее их число связано с завершением посевных работ. После проведения сева устраивали молебен с обходом полей. Другой обрядовой формой следует считать коллективный праздник завершения весенних полевых работ – *отсевки, обсевки.*

В разделе о весеннем комплексе животноводческих обрядов рассматриваются очистительные, апотропейные и продуцирующие ритуалы с домашним скотом, приуроченные к Вербному воскресенью, Великому четвергу, Благовещенью, Егорьеву дню: приготовление обрядовых хлебцов (*каравашков, алябушков, просфор*) для первого выгона, обычаи «гонять волков» с целью защитить скот от зверей в пастбищный период, ритуалы, обеспечивающие «вод» и плодовитость, возвращение скота с пастбища.

Обряды первого выгона на пастбище ограничивались ритуалами выгона скота из хлева и усадьбы, что обусловлено сложившейся системой выпаса: скот выпасался без пастуха на огороженном выгоне или на неогороженных лесных поскотинах. Сроки начала пастьбы связывались исключительно с погодными условиями, только в северных районах Прикамья первый выгон старались приурочить к Егорьеву дню. В этих районах бытовали представления о Егории Храбром как покровителе и защитнике скота.

Комплекс представлений, связываемых с пастухом и пастушеским промыслом, как и пастушеская обрядность первого выгона скота, в Прикамье оказались не развиты. Зафиксированы лишь отдельные элементы обрядов пастушеского комплекса в северных районах Прикамья. Весенний комплекс животноводческих обрядов был самым развернутым в годовом цикле. Приуроченность к первому выгону и предшествующему ему периоду многочисленных апотропейных и продуцирующих обрядовых действий была обоснована стремлением обеспечить благополучие и сохранность скота в течение всего пастбищного сезона.

В разделе о поминальных обычаях исследуются обрядовые комплексы двух поминальных циклов – пасхального (Радуница) и троицкого. Особенностью региона является отсутствие поминальных пасхальных обычаев. Для троицкого периода анализируется специфический комплекс представлений о «заложных» покойниках, отмечается условность дат поминовения. *Семиком, Семиками* в Прикамье могли называть любой день поминовения умерших в период от Вознесения до Троицы, поминальными днями также считались Духов день и Заговенье. Доказывается, что Радуница соотносится с представлениями о выходе умерших предков, с чем связан обычай топить для них баню, проводить

поминальный обед, совершать поминовение дома. Поминальная обрядность Радуницы разворачивается как «встреча» умерших, в то время как обрядность троицкого периода разворачивается как проводы душ умерших предков. В отличие от пасхального времени с троицким связываются представления об уходе предков: считали, что «в Семик покойники загребаются», «После Семика они подаяния не видят». Поминовение умерших в Семик и на Троицу, в отличие от пасхального, чаще всего проходило не дома, а на кладбище.

Третья глава «Летний период народного календаря» раскрывает особенности одного из самых непродолжительных сезонов года, от Троицкого Заговенья до Ильина дня. Разделение летнего периода на два временных отрезка – от Троицкого Заговенья до Иванова / Петрова дня и от Петрова до Ильина дня – обусловлено не только особенностями хозяйственных занятий, но и мифологическим осмыслением: период от Троицкого Заговенья до Петрова дня определяется как цветение трав и хлебов; время от Петрова до Ильина дня характеризовалось почитанием «грозных» праздников.

В первом разделе главы подробно рассмотрены основные праздничные дни лета – Иванов, Петров и Ильин дни. Уже терминология праздника Иванов день (*Иван Креститель, Иван Святник, Иван Росник, Иван Купальник, Иван Купала, Иван Утопленник, Иван летний, Иван Ягодобор, Иван Капустник, Иван Травник, Иван Цветник*) указывает на разнообразный и вариативный комплекс его обрядности. С поверьями о целительных и магических свойствах *ивановской росы* был связан наиболее многочисленный комплекс обрядовых действий Иванова дня. В их основе – представления об очистительных свойствах воды, о ее целебности в Иванов день. В других случаях все действия с водой запрещались – Иванов день был временем активизации водных демонических персонажей. Амбивалентность представлений о святости и одновременно демоничности водной стихии в целом лежит в основе ритуалов многих праздников. Веники, приготовленные на Иванов день, наделялись особыми целительными и очистительными свойствами. В Северном Прикамье с ивановскими вениками (реже венками) совершались гадания. Важное место занимал праздник и в хозяйственном цикле летних работ. *Иван Капустник* отвечал за произрастание «круглых» овощей, имеющих «голову», в первую

очередь капусты, а также лука и репы. Все праздники почитания святого содержали действия с этими овощами или запреты на их употребление. К Иванову дню приурочивали посадку репы. «На Иванов день загребали капусту, выгребали лук». Время, совпадающее с Ивановым днем, считалось сакральным. По народным воззрениям именно в этот день «открывается небо и земля», «золото из земли выходит». Растения, природные явления приобретали чудесные свойства, с Ивановым днем соотносились представления о цветении папоротника, мужского цветка конопли, травы купальницы.

Петров день осознавался как переломный момент летнего периода: заканчивался летний Петровский пост – Петровки, день считался апогеем лета – самым жарким временем в году. В праздник почитаются апостолы Петр и Павел. Сюжет о занятиях Петра рыболовством получил развитие в некоторых народных представлениях о празднике: «Петров день – это праздник рыбака, так как Петр рыбак был», а также в обычаях гуляний на берегу реки с приготовлением ухи. Обрядовое использование молока и молочных блюд на Петров день связано с завершением Петровского поста. Примеры использования петровского творога или сыра позволяют говорить о продуцирующем символизме этого продукта и ритуальных действий с ним. В обрядности Петрова дня наблюдаются некоторые элементы, характерные для Иванова дня: действия, совершаемые с первым веником, представления о целительных свойствах петровской росы, обычай купаться на праздник.

Ильин день осознавался важной границей между летом и осенью, границей хозяйственных работ. Один из комплексов представлений Ильина дня связан с запретом купаться после праздника: «Медведь лапу обмочил»; «Олень воду прохолодил»; «Лось в воду рога обмочил»; «Илья льдинку бросил». При анализе выстраивается четкая система персонажей, «прохолодивших» воду: медведь – олень / лось – конь – Илья-пророк, которая объединена общим комплексом мифологических представлений: все образы (медведя / лося / оленя / коня) соотносятся с солярной символикой. В образных формулах запретов на купание отразились представления об уменьшении светового дня и начале вхождения солнца «в зиму». Другая группа объяснений запрета на купание мотивируется появлением в воде нечистой силы, активизацией водяных духов.

Известны и представления о «святости» и целебных свойствах ильинской воды. Одной из характерных особенностей почитания Ильина дня были коллективные трапезы с закланием барана. На Ильин день «каждое хозяйство кололо овцу или барана, и одну баранью лопатку мяса несли в часовню».

Рассматривая праздничные дни лета, следует отметить, что значительные обрядовые комплексы связаны лишь с тремя из них, наиболее выделенными в народном календаре, – Ивановым, Петровым, Ильиным днями. Они маркировали важные в хозяйственном и природном календаре периоды. При том, что обрядность каждого праздника имела собственные характерные черты, их объединяет общность обрядовых форм и представлений, типичных для летнего периода в целом. К характерным особенностям региона следует отнести неразвитость купальных обрядов (в связи с чем комплекс обрядности Петрова дня был дополнительно развит и усилен).

Второй раздел посвящен анализу комплекса представлений и обрядности лета, связанных с сезонными изменениями в природе. Период цветения трав и злаков получил название *Цветьё, Цвете*, с ним связывались запреты ходить в поле, косить траву, в стремлении защитить посевы. Время цветения злаков воспринималось и как переходное время активизации мифологических духов. Сакральность периода обусловила и приуроченность к нему некоторых гаданий, совершаемых в цветущем поле. Летнее Цветье соотносилось с зимними Святками, отождествление этих двух периодов года, зимнего и летнего, отражает достаточно древние представления о двучастной структуре года, в них сохраняется противопоставление и сопоставление двух календарных циклов – зимнего, святочного, и летнего, связанного с Троицей и Ивановым днем. Во время цветения злаков, колошения хлебов совершали *обход полей*: «рожь смотреть», «рожь слушать». В Верхокамье обходы полей приходились на период с Иванова до Петрова дня. Молодежь с пивом и песнями обходила поля, иногда с играми «кругом». Традиция обхода полей в Прикамье имеет некоторые отличия от других регионов – они соотносились со временем цветения хлебов. Такие обходы имели продуцирующую и апотропейную символику. Вариант обхода полей в летний период – моления и крестные ходы,

совершаемые в престольные или другие местночтимые праздники с целью «чтобы урожай хороший был», «чтобы градом не побило».

В период с Петрова до осеннего Иванова дня у русских Прикамья реализуются запреты на употребление плодов. До Петрова дня не ели ягоды земляники, до Прокопьева – черемухи, до Ильина – малины. Овощи начинали есть со Спаса, Ильина, осеннего Иванова дня. Запреты на употребление ягод и овощей представляют целую систему. Временной промежуток для запретов не случаен: в период до Петрова дня природные силы достигают наивысшей точки расцвета. Запреты накладывались на наиболее активные в мифологическом плане плоды. В них реализуется семантика «первого» как наиболее опасного, с одной стороны, и наиболее благодатного – с другой, чем обусловлен особый характер «первой» трапезы, приготовление для неё особого блюда. Ритуализация «первой» трапезы связывалась с ее коллективным характером. Многие запреты приурочивались к завершению Петровского и Успенского поста, характер опробования первых плодов считался *разговеньем*. От «первой» трапезы зависела будущая урожайность. Чтобы исключить неблагоприятное воздействие «первого», ягоды и плоды «освящали», «кадили», предназначали «первое» предкам. Часто посредниками между мирами становились дети, они первыми участвуют в трапезе «запретных» ранее плодов. Передача высшим силам или предкам осуществлялась как раздача милостыни первыми плодами. Обращение к «чужому» миру происходило через приглашение на трапезу «чужих» (в том числе и православных святых), угощение всех жителей деревни.

Особенностью летнего периода является комплекс представлений, связанных с грозами и дождями. Народные характеристики этого периода характеризуют его «грозным». Эпитетом «грозный» наделены в Прикамье все без исключения летние праздничные и почитаемые дни (*Девятая, Петровская, Ильинская пятницы, Иванов день* (7.07), *Петров день* (12.07), *Прокопьев день* (21.07), *Ильин день* (2.08), *день Кирика и Иулитты* (28.07)). Для этого времени характерны представления о «божественном» происхождении грозы в почитаемые «грозные» праздники. На «грозные» дни распространялись строгие запреты на работу, нарушение которых вело к наказанию – грозе, пожару, ливню. Комплекс поверий связан с представлениями о «грозных» святых,

которыми выступают Егорий, Петр, Илья, Прокопий, Иван. «Грозными» считаются исключительно «мужские» праздники – Иванов, Петров, Прокопьев, Ильин дни. Почитание именно мужских праздников в летний период от Иванова / Петрова до Ильина дня позволяет говорить и обо всем этом периоде – второй половине лета – как о «мужском».

Актуализация «мужского» начала в этот период связана со временем завершения цветения хлебов, а «грозность» выступает как необходимое условие их созревания. Об этом свидетельствуют представления об особом периоде в конце июля – августе, связанном с зарницами, всполохами, молниями без грома – времени, когда «калинники играют». Игра зарниц связывалась с вызреванием хлебов – «калинники хлеба зорят»; «в калинники – хлеба лучше спеют».

«Грозные» дни, как правило, образуют пару мужской–женский. К «женским» праздникам следует отнести Петровскую и Ильинскую пятницу, Ильинскую субботу, день почитания Неопалимой Купины Божьей Матери. В противоположность «мужским» дням, мужским «грозным» святым «женские» выступают защитниками от грома и молнии, пожара. Следует лишь отметить универсальность представлений, основанных на оппозиции мужской/женский.

Среди запретов «грозных» праздников были запреты на употребление молока, дойку коров: «Петро корову унес – в Петров день не едят молосное»; «Илья-пророк выхлебал творог». Запреты на употребление молока направлены на предотвращение грозы и дождя. Запрет на употребление молока в «грозные» праздники исключает и вероятность грозы, дождя. Эти поверья связаны с архаичным комплексом представлений о метафоризации «дождь-молоко», реконструируемых и на других славянских материалах.

Опасность «грозного» периода, как для человека, так и в первую очередь для будущего урожая, нашли отражение в поверьях о наводнении во время летних гроз – *поводи* – Ивановской, Петровской, и Ильинской, Успенской / Госпожинской. Летние поводи считались не благом, а наказанием. «Грозный» период лета заканчивался в Ильин день, считали, что «после Ильина дня грома не бывает». В представлениях о «грозном» периоде лета реализуются две основные идеи: они связаны с культом плодородия и направлены на

обеспечение урожая, соотносятся с представлениями об опасности, которая ему угрожает.

Один из комплексов весенне-летней обрядности русских Прикамья связан с вызыванием дождя и предупреждением засухи. Временем совершения окказиональных обрядов обычно был период между Троицким Заговеньем и Петровым днем. Одним из эффективных способов вызывания дождя считалось обливание. В основе ритуального обливания, направленного на вызывание дождя, как и в тех, что совершались с целью предотвращения засухи, лежит идея имитации осадков. Наиболее характерным для окказиональных ритуалов по случаю засухи являлось совершение молебна и крестного хода. Моление о дожде, как правило, проходило в поле. Поле – пространство, где соединяется природное (чужое) и рукотворное (человеческое), наделено символикой медиативного. Именно пространство поля, освоенное в летнее время в процессе хозяйственной деятельности, в неблагополучный период нарушения природного порядка требует большей защиты. Показательно как апотропейное круговое огораживание пространства, совершаемое в результате крестного хода или в ходе моления. При совершении молебна о дожде использовали ветви, деревца березы или проводили моление у березы (в данном случае актуализируется представление о березе как мировом древе). Использование именно этого дерева в обрядах вызывания дождя также указывает на связь их с троицкой обрядностью.

Молебен, вынос икон, водосвятие, обращение к святым позволяет в большинстве случаев говорить о христианском характере ритуала, имеющем определенные канонические формы проведения. Однако и в этом случае имели место характерные локальные особенности – крестный ход и молебен могли сопровождаться и другими ритуалами вызывания дождя, «окроплением» земли, обливаниями, купаниями.

Одним из распространенных способов вызвать дождь было обращение к умершим предкам. Причину засухи связывали с «плохим» обмыванием покойников. Считали, что «утопленники выпивают воду». Вызвать дождь можно было, вылив «сорок ведер воды на могилу утопленника», полив «сорок могилок на кладбище». Окказиональные ритуалы по случаю засухи

органически вписываются в систему весенне-летней календарной обрядности. Часть из них входит в комплекс праздников и обрядов, в обрядности вызывания дождя часто задействованы те же символы, что и в других весенне-летних обрядах.

Представления о природных явлениях относятся к одним из архаичных пластов представлений о мироздании. Материалы показывают, что с летним периодом связываются не отдельные приметы и поверья, а целые комплексы мифологических представлений. Летние явления природы отразились в восприятии летних праздников и почитаемых дней, в их названиях, они сформировали специфические комплексы календарных представлений и обрядности (такие как обход полей, вызывание дождя и пр.).

Исследованная в третьем разделе обрядность лета, связанная с хозяйственными занятиями, представлена ритуалами начала и завершения сенокоса. Начало сенокоса соотносилось с завершением цветения травы и чаще всего приурочивалось к Петрову дню. Запреты на косьбу раньше срока обусловливались комплексом мифологических представлений: «Петру и Павлу голову ссекаешь», их нарушение могло стать причиной заморозков, инеев, непогоды. Среди ритуалов начала сенокоса выделяются обычаи освящать покос, получать благословение на работу, начинать сенокос человеку с легкой рукой, «дарить» поле, для чего «копейки на покос бросали». Начинать сенокос было принято в новой, нарядной и чистой одежде. Если в период до сенокоса актуальными были действия вызывания дождя, то во время сенокоса актуализировались многие приметы и ритуалы, направленные на его предотвращение. Конечная дата сенокоса – Ильин день – определялась не только наступлением новых полевых работ – жатвы, но и неблагоприятными погодными условиями. По окончании сенокоса устраивался праздник или коллективная трапеза *откоски*. Формирование структуры обрядности начала и завершения сенокоса частично происходило за счет перенесения элементов жатвенной обрядности.

В **четвертой главе «Осенний период народного календаря»** исследуются праздники и обряды осени. В первом разделе характеризуются основные праздничные и почитаемые дни, среди которых Спасы, Успение,

день Флора и Лавра, Иванов, Семенов дни, Воздвиженье и Покров. Среди них заметно выделялся день *Флора и Лавра* (31.08). В тех деревнях, где праздник почитался особо, к нему приурочивался молебен и освящение коней. День святых Флора и Лавра – не единственная календарная дата, к которой приурочивалось освящение коней в Прикамье. Известно, что его проводили также в *Конанов день* (18.03), в *Егорьев день* (06.05), в *Прокопьев день* (21.07). При всем разнообразии календарных дат все они объединены общими мифологическими представлениями. Обряд связывался исключительно с «мужскими» праздниками. Конанов, Егорьев и Прокопьев дни считались «грозными» праздниками. Их символическая связь с конем в этом случае обусловлена образом «грозного» святого – всадника на коне. «Огненный» характер праздника и святых прослеживается в поздних его трансформациях, в городской среде день Флора и Лавра становится праздником пожарных (при этом составной его частью продолжает оставаться освящение коней).

Важность статуса Покрова как даты завершения хозяйственных работ, положение его на границе сезонов обусловили то, что Покров был одним из самых почитаемых дней осени. Пограничность и переходность Покрова обусловили приуроченность к нему комплекса гаданий. Ряд гаданий на жениха специфичен и характерен только для этого праздника: «Если девка на Покров жениха или свадьбу увидит, то взамуж выйдет». Гадания на Покров в локальных традициях иногда повторяли святочные. Брачная тематика составляет один из наиболее развернутых ритуальных комплексов Покрова. В паремиях обыгрывается связь переходности сезонов и социальной переходности, смены социального статуса: «Покров, земля – снежком, а девушка – платком. Там уж свадьбы начинались». Одной из причин активизации брачной тематики является начало после Покрова периода свадеб.

Второй раздел посвящен тематике завершения годового природного цикла, поворота к зиме. Важнейшими датами завершения осени были *Воздвиженье* (27. 09) и *Покров* (14.10), время после которых считалось «зимним». Завершение летнего периода и начало зимнего закрепилось в запретах работать на земле после праздников. Переход природы в «зиму» раскрывают и представления об активизации демонических сил. Положение

Покрова на границе осени и зимы раскрывает и повсеместно распространенное представление о покрытии земли снегом. Мотив «покрывания» свидетельствует о переходе природы в иной временной и мифологический статус. Основной тематикой примет и поверий, связанных с сезонными изменениями в природе в Прикамье, было уменьшение светового дня, наступление холодов и инеев, завершение вегетативных процессов, изменения в жизни птиц, животных и насекомых. С идеей завершения лета связаны и ритуальные «похороны» мух, приуроченные к Семенову дню. В более широком контексте народного календаря ритуалы, связанные с насекомыми, соотносятся с тематикой движения времени, смены природных циклов. Одним из концептов осеннего периода является «*бабье лето*». При варьировании календарных сроков устойчивы представления о нем как о «нескольких погожих солнечных деньках в сентябре». «Бабье лето» противопоставляется мужскому периоду народного календаря, приходящемуся на летнее время. В хозяйственном календаре «бабье лето» часто связывается с началом «женского» цикла обработки льна, с началом «женских» праздников.

В разделе о хозяйственном цикле осеннего периода рассматриваются календарные даты, связанные с уборкой полевых и огородных культур, севом озимых, завершением пастбищного содержания скота. Сроки начала озимого сева варьировались, его приурочивали к Прокопьеву, Ильину дням, Борису и Глебу, Спасам. Сеять начинали зерном нового урожая. Схождение в одном хронологическом периоде начального и конечного, сева озимых и жатвы сформировало и определенный комплекс представлений о взаимосвязи сева и «доспевания» зерна: до тех пор пока не посеяны озимые, зерно нового урожая остается незрелым. Жатва и начало сева мифологически «сходятся» в одну точку: завершение цикла – «доспевание» зерна и начало цикла – его посев, чем и достигается непрерывность процесса. Начало сева озимых сопровождалось молебнами, освящением полей и семян. Последним сроком сева озими считался день *Флора и Лавра* (31.08). Для жатвы отводился период от Ильина дня до Воздвиженья. Сроком уборки огородных культур считался период от Ильина дня до Покрова. Представленные сроки связаны с особенностями природно-климатических условий Прикамья, однако в общем контексте они

находят множество аналогов в традициях русских Европейского Севера, Сибири, Вятки, Приуралья, Поволжья, что обусловлено не только схожими условиями хозяйствования и климата, но и общностью основы народного хозяйственного календаря в его региональных вариантах.

На осенний период хозяйственного календаря приходится процесс завершения выпаса скота. В южных районах, где скот пасся без пастуха на огороженных поскотинах, время загона скота определяли «по погоде», «как снег нападет» (в этих районах редко встречаются и фиксированные весенние сроки выгона скота). В Северном Прикамье комплекс представлений, связанных с завершением выпаса скота, соотносился с осенними праздниками *Воздвиженье* (27.09) и *Покров* (14.10). Известны запреты в Воздвиженье выпускать скот в поле. Завершение пастбищного периода приурочивали к Покрову. Обряды, исполняемые в начале или при завершении уборки, выпаса скота, с одной стороны, связывались с окончанием земледельческого и животноводческого циклов, а с другой, – имели продуцирующую направленность, были призваны повлиять на будущий урожай.

Один из самых значительных разделов главы посвящен жатвенной обрядности, наиболее развернутой среди осенних обрядовых циклов. Пермские материалы по жатвенной обрядности рассматриваются нами в контексте трех составляющих: начало жатвы, комплекс представлений, связанный с процессом жатвы, и завершение жатвы.

Ритуалы, связанные с началом жатвы (*первинки, пожинки, первые пожинки*), группируются в несколько комплексов: совершение молитвы, благословения, произнесение словесных формул перед выходом в поле или началом жатвы; действия с первыми колосьями, снопом; приготовление ритуального блюда из первых зерен или первого хлеба.

Среди ритуалов, связанных непосредственно с процессом жатвы, наиболее известными в Прикамье являются временная регламентация жатвенных работ, традиции коллективной взаимопомощи, представления, связанные с отстающими жницами. В некоторых районах было широко распространено использование наемного труда, молодежных и девичьих помочей на жатве, такие пóмочи имели свою терминологию (*обжонно*) и свои обрядовые формы.

Помочь на жатве, как правило, заканчивалась гуляниями молодежи, приготовлением особого снопа *помочанина*, приносимого в дом хозяина. Изготовление «помочанина» носило шуточный характер, однако его следует рассматривать в контексте ритуалов, связанных с изготовлением первого и последнего снопов.

Наиболее развитым является комплекс ритуалов, связанный с завершением жатвы. Основные его действия группировались вокруг последнего снопа и последних неубранных колосьев, а также обрядовой трапезы по случаю завершения жатвы. Развернутой выступает обрядовая лексика: *выжимки, дожинки, обжимки, обжимка, обжинки, отжинки, обжинно*, *пажиналенка, пожиналенка, пожинки, спожинки*. Действия с последним снопом известны лишь в нескольких вариантах. Последний сноп несли домой и ставили в передний угол, скармливали скоту, ставили на голову детям с пожеланиями расти большими. Наиболее вариативный комплекс ритуалов жатвенной обрядности Прикамья связан с последними колосьями. Их завязывали и оставляли на поле, называли «бородой», «бородкой». Многочисленные варианты этого ритуала показывают связь завивания «бороды» с архаичными обрядами и пластами представлений, в основе которых лежит идея обеспечения благополучия и преумножения урожайности в следующем земледельческом цикле. Остаток колосьев, наделенный статусом «последнего», концентрировал в себе всю силу урожая, именно из него на следующий год эта сила вновь должна была развернуться. Еще один символический статус «бороды» связан с необходимостью маркировать пространство поля в процессе завершения жатвы. Именно «борода» – культурный знак, который остается на поле зимой, когда взаимодействие «человек-поле» прекращается, и символический статус «поля» изменяется: оно переходит в качество «неосвоенного». В Прикамье известно несколько вариантов жатвенной бороды: оставленные преднамеренно несжатые колосья; «борода» в виде небольшого снопика, завязанная узлом, заплетенная косой. Каждый из вариантов имел свою семантику. Завивание как ритуальное действие имеет охранительные и продуцирующие функции, соотносится с зарождением, ростом, преумножением. Завязывание узла –

известный способ «концентрации» магической силы, способ замыкания, ограждения охраняемого пространства.

Пермские материалы свидетельствуют о бытовании двух основных вариантов трапезы, совершаемой по завершению жатвы: трапеза на поле, непосредственно связанная с ритуалами завершения жатвы, изготовлением последнего снопа и завиванием «бородки», и трапеза в доме или в деревне, сравнимая с праздничным застольем. Обрядовыми блюдами выступают яичница, дежень и саламат (кушанья вида каши). Каша как одно из архаичных блюд земледельческой кухни напрямую связана с аграрной символикой жатвенной обрядности.

Немногочисленные обряды завершения уборки овощных культур во многом копируют обряды завершения жатвы. «Христу на бородку» оставляли и последнее гнездо картошки, «бородку» оставляли и на картофельном поле. *Откопками* обозначался праздник завершения уборки картофеля.

Комплекс жатвенной обрядности реконструируется лишь на основе множества локальных традиций. Большая вариативность прикамских традиций связана также с такими факторами, как степень сохранения обрядовых форм в конкретных традициях: от полного исчезновения представлений, связанных с жатвой, до существования (вплоть до недавнего времени) развернутых комплексов обрядности. Бытование определенных комплексов в том или ином локальном варианте напрямую соотносится с особенностями формирования русского населения в регионе. Типологически наиболее близкими к пермским вариантам являются севернорусский и среднерусский комплексы. При всем многообразии вариантов сохраняется общность мифологических представлений, лежащих в основе жатвенной обрядности.

Глава пятая «Зимний период народного календаря» посвящена одному из самых продолжительных периодов года. Поэтапность сезонных изменений в природе, а также мифологические аспекты осмысления этого важного в годовом цикле переходного времени (от летнего к зимнему полугодию и наоборот) делают условными границы начала и завершения зимы, позволяют выделять особые «переходные» периоды осенне-зимнего и зимне-весеннего порубежья.

В первом разделе главы рассматриваются представления о сезонных изменениях в природе и хозяйственных занятиях крестьян. На рубеже осени и зимы в календарных приметах одной из самых распространенных становится тема установления снежного покрова, санного пути и замерзания рек. Характерными для зимнего периода были представления о чередовании морозов и оттепелей. Необходимость зимних морозов и следующих за ними оттепелей связывали с естественным природным ритмом, благоприятной погодой в летний период. Со дня Даниила Столпника и Спиридона-солнцеворота актуальными становятся приметы и поговорки, раскрывающие постепенное увеличение продолжительности светового дня. Комплекс представлений о сезонных явлениях природы в зимний период менее развернут, нежели весной, летом и осенью – почти нет примет и поверий, связанных с наблюдением над животными и птицами, растительным миром. Другой причиной неразвернутости представлений о сезонных явлениях является зимний перерыв в цикле хозяйственных полевых работ. Круг крестьянских работ в зимнее время был ограничен и лишь опосредованно связан с основными хозяйственными занятиями – земледелием и животноводством. Именно этими причинами и можно объяснить неразвитость собственно календарных мифологических представлений и обрядовых форм, слабую связь дат народного календаря с конкретными видами работ, в отличие от периода весны, лета и осени.

Второй раздел работы посвящен осенним поминальным субботам. В Прикамье наряду с Дмитриевской субботой особо отмечена *Покровская суббота*, которая осмыслялась как завершение поминовения умерших в летний период. В северо-западном Прикамье поминовение умерших растягивается на продолжительный срок, который выделен особо как *Межсубботы, Широкие субботы, Митривски субботы*. С этим периодом связывались не только поминальные обряды (посещение кладбища, поминание дома), но и целый комплекс запретов: продавать скот, переезжать в новый дом, стирать, играть свадьбы. Открытость пространственных границ между мирами, связанная с концептом «переходного» времени между субботами, раскрывают представления о выходе душ умерших предков. Развитый комплекс

поминальных представлений в одной из локальных традиций северо-западного Прикамья складывается в результате влияния иноэтнического окружения.

Третий раздел раскрывает особенности святочной обрядности русских. С Рождеством и другими праздниками святочного периода связаны многие обряды «начинательной» магии. Приуроченность прогностических ритуалов к рождественским праздникам объясняется тем, что в народном календаре два периода – святочный и ранневесенний – осмыслялись как «новогодние». Многие ритуалы по этой причине повторяют обычаи Великого четверга и праздников пасхального цикла. Основными целевыми установками, с которыми связывались новогодние ритуалы, было обеспечение общего благополучия в течение года, плодородия и урожайности в будущем году, приплода и благополучия скота, что и выражалось в разнообразных обрядовых формах. Например, в Красноуфимском уезде крестьяне считали, что на Рождество и Новый год «овин нужно засадить хлебом, а прялки без кудели не оставлять, чтобы никогда не оставаться без хлеба и без льна». С магией первого дня связан и распространенный в Прикамье обычай «искать зернышки», приурочиваемый к Рождеству, Васильеву вечеру, Новому году. В особую группу ритуалов новогодних праздников следует выделить обычай приготовления обрядовых хлебцев и печенья.

Одну из характерных особенностей комплекса святочной обрядности составляют ритуальные обходы домов. Обходной комплекс в регионе не был единым, он состоял как из хождения с исполнением христианских гимнов – славления Христа, известного почти повсеместно, обходов с исполнением «виноградий», колядок, обходов-посеваний, в некоторых районах обходные обряды не были известны. Хотя в Прикамье и фиксируется бытование единичных текстов колядок, распространение их следует связывать лишь с отдельными локальными традициями, ареал распространения «виноградий» ограничивается северными районами.

Особенности восприятия святочного времени связывались с представлениями о выходе и активизации в этот период нечистой силы. Для северных районов Прикамья были характерны представления об особых святочных мифологических персонажах. Выявлены два ареала распространения

представлений о «святочных» духах. Они различаются не только географически, и в том и в другом случае мы имеем дело с самостоятельными комплексами представлений, со своей терминологией, характерными сюжетами рассказов. Первый ареал представлений о шуликунах охватывает северо-восточные районы. Рассказы раскрывают «водную» природу шуликунов – они выходят из воды и уходят в воду на Крещение, что характерно и для других севернорусских традиций. Второй ареал распространения поверий о святочных «духах» характеризует северо-западное Прикамье. Святочные духи известны под названиями *шиши, шишочки, шишаки, шишики, шишиги*. Активизация мифологических персонажей в этот период связывалась с тем, что именно в Святки они играют свадьбы. В тех районах, где бытовали представления о шуликанах или шишах, эти термины-демонимы использовались и для обозначения святочных ряженых. Основанием для этого, видимо, послужили не только приуроченность ряженья к святочному периоду, но и близость мифологических представлений о святочных духах и ряженых. Для некоторых районов было характерно смешение мифологического и обрядового пласта представлений. Формирование представлений о календарных мифологических персонажах находится в русле общих представлений о периодах зимнего и летнего солнцеворота, характерных для многих народов (как времени активизации нечистой силы, ее вторжения в мир людей).

В разделе о ряженье анализируется терминология ряженья (выявляется и исследуется более ста терминов, бытовавших в регионе), их связь с мифологическими представлениями и ареалы распространения. Структурирован и охарактеризован состав персонажей ряженья, выявлены основные группы и персонажи, прослежена их символика в контексте обряда. Выявлены наиболее типичные формы и приемы ряженья. При анализе ряженых исследованы основные формы обрядового поведения. Ряженье выступает явлением многофункциональным и полисемантичным, и его символика прочитывается в контексте других способов связи с иным, потусторонним миром в переходный период народного календаря, с представлениями культа предков, посещающих в этот период живых. Являясь составной частью

святочного комплекса, святочное ряженье воплощает общие идеи, характерные для всего святочного периода.

Святочные гадания – одна из наиболее развернутых и разработанных форм святочной обрядности. Возможность заглянуть в будущее в Святки определялась переходностью, «открытостью» святочного времени, когда пространственные границы были наиболее проницаемы и контакт с потусторонним миром облегчался. Известны гадания, в которых актуализируется тематика жизни и смерти, урожая и неурожая, но большинство гаданий направлено на узнавание будущего замужества и жениха. Многочисленные святочные гадания с мотивом замужества / незамужества имели и другое магическое значение. Предваряя начало брачного периода, они должны были способствовать и выходу девушек замуж. Прогностическая символика гаданий прочитывается и в некоторых обычаях, смежных с гаданиями. Например, во время гаданий разбирали огороды, чтобы девушки скорее вышли замуж, в других вариантах, во время девичьих гаданий, наоборот, парнями выполнялось опахивание деревни, смысл которого – воспрепятствовать девушкам выходить замуж в другие деревни.

Крещение считалось важной пограничной датой, завершало святочный период и цикл святочной обрядности. Основную группу обрядов Крещения составляют охранительные ритуалы, направленные на защиту дома и хозяйственных построек. Главным событием праздника было получение святой, крещенской воды. Наиболее устойчивыми для Прикамья были представления о том, что в ночь на Крещение вода и без освящения, сама приобретала особые свойства. Ритуал водоосвящения получил разные названия *Христа купать, воду святить, речку крестить, воду у ворона воровать, воду крестить, Вишеру крестить, на Иордан ходить, на льдинку ходить*. Для северо-западных районов были характерны представления и о «нечистоте», демоничности воды в Крещение, на праздник распространялись запреты использования воды.

Четвертый раздел посвящен анализу масленичной обрядности. Основные элементы Масленицы по-разному реализованы в локальных традициях, однако масленичная обрядность в целом выступает как единый комплекс, для каждого

ареала проживания русских были отмечены все основные ее элементы: катание с гор, катание на конях, масленичное ряженье, масленичный стол, обычаи с молодоженами, проводы праздника. Описанию основных компонентов в структуре праздничного цикла предшествует анализ его символики. Например, раскрывается символика масла, ставшего основным обрядовым блюдом, эксплицировавшаяся в название праздника. Масленица персонифицировалась не только в виде широко распространенной фигуры – женщина со сковородником или метлой. Она изображалась в виде мужика, соломенного чучела (а то и двух чучел, с мужскими и женскими чертами). Нередко термин «масленица» переносился на обрядовые блюда, на тех, кто ходит ряженым, а то и на масленичный поезд. Богато представлена в масленичных обрядах символика обработки льна и прядения. Народные гуляния на Масленой всегда имели свою внутреннюю обрядовую структуру. Одним из наиболее характерных элементов масленичного гуляния было катание на конях и катания с гор. Масленичное ряженье редко было самостоятельным и обычно дополняло праздничные игры, катание молодых, проводы Масленицы; было не «страшным», а комическим. Особым видом масленичного ряженья были процессии ряженых на санях. Масленичные обычаи с молодоженами были известны в Прикамье в разных формах: чествование и катание молодых, гостевание и угощение у молодых, осуждение неженатой молодежи, приуроченность к Масленице последнего этапа свадебного обряда – *хлибен*. Посещать молодых *молодафью целовать* было принято в субботу или воскресенье масленичной недели; как правило, молодая должна была угостить пришедших пивом. Чаще всего именно во время Масленицы недавно женившийся ехал на хлебины – обычно с подарком теще. С этими же обычаями связана традиция гостевания зятя у тещи «на блинах».

Наиболее полно обрядовая сторона Масленицы проявлялась в праздновании последнего дня – *Прощеное воскресенье, Прощальная Масленка, Целовник, Челович, Соловник*. Кроме сжигания чучела или соломы, соломенного снопа полагалось ломать катушки и даже разбивать лотки, на которых катались. Вариантом проводов Масленицы было сжигание антропоморфного чучела. Иногда масленичное чучело не сжигали, а топили в

реке. Проводы Масленицы заключались и в сжигании большого вороха соломы на горке-катушке.

Действия *Чистого понедельника, Чистой Масленки* можно считать завершением масленичной обрядности. К Чистому понедельнику приурочивались в ряде мест последние проводы Масленицы, те действия, которые обычно совершали в воскресение. Чистый понедельник – начало нового календарного цикла, Великого поста – считался также переходным временем, некоторые ритуалы имели очистительное и прогностическое значение.

В шестой главе – «Специфика календарной обрядности в региональных, социальных, конфессиональных группах русских Прикамья. Межэтническое взаимодействие» – рассматривается, как влияют на складывание особенностей локальных и региональных традиций социальные, конфессиональные факторы, иноэтническое окружение, процессы формирования населения.

В первом разделе выделяются этнотерриториальные группы русского населения региона, исследуются процессы их формирования и выявляются специфические черты календарной обрядности. На территории Прикамья выделено несколько историко-этнографических районов: северо-восточное; северо-западное Прикамье (традиции русских Коми-Пермяцкого округа), Обвинское поречье и Верхокамье; Чусовское поречье; Сылвенско-Иренское поречье; юго-западное Прикамье. Мозаичностью отличаются русские традиции самых южных районов.

Характеристика особенностей каждой группы построена по общей схеме: история формирования населения – специфика традиции. Так, северо-восточное Прикамье является территорией наиболее раннего формирования русского населения в крае. Интенсивными процессы заселения и освоения этого района становятся с середины XVI в. Основу населения этой территории составили выходцы поморских уездов. Календарная обрядность этой зоны обнаруживает наибольшее сходство с обрядностью Европейского Севера. Наиболее яркое свидетельство – распространение новогодних обходов с исполнением «виноградий», бытование севернорусских представлений о святочных духах

шуликанах, обычаев троицкой обрядности с установлением березок у домов, распространенность северного варианта комплекса обрядности Иванова дня (с гаданиями венками) и т.д.

В южных районах Прикамья на примере одной из групп русского населения, сформировавшейся в первой половине XIX в. за счет переселенцев из поволжских губерний, рассматриваются вопросы адаптации традиций к новым природно-климатическим и этнокультурным реалиям. Выявление в архивных документах мест выхода переселенцев позволило провести полевые исследования «на старой родине». При сопоставлении выявлено не только сходство основных обрядовых циклов, но и множества деталей календарной обрядности. В то же время, оказавшись в социальной и этнокультурной изоляции, казанские переселенцы сохранили некоторые более архаичные варианты поволжской обрядности, утраченные на старой родине. Новые социально-экономические и природно-климатические условия привели и к некоторым изменениям обрядности, связанной с производственными циклами. Так, в Поволжье сохранялся комплекс пастушеского выпаса, а Петров день отмечался как праздник пастухов. В Прикамье переселенцы оказались в условиях ограниченных земельных угодий для выпаса скота и, как и соседнее население, скот пасли без пастуха на огороженном поле. Поэтому весь «пастушеский» комплекс обрядности оказался утраченным.

Наши наблюдения и сравнение обрядности позволяют предполагать, что переселенческие традиции становятся менее вариативными. Законсервировав один из вариантов обрядности, переселенцы проецируют исходный вариант, в то время как материнская традиция сохраняет большую вариативность и остается более мобильной. При сохранении поволжского обрядового комплекса народного календаря наиболее подвижным и готовым к восприятию инноваций оказался досугово-развлекательный компонент календарной обрядности. Он менее всего сохранил близость поволжским традициям, обнаруживает значительное сходство с традициями соседей. Характерным примером является почти полное несовпадение с Поволжьем набора весенне-летних хороводных игр и песен, в то же время по репертуару оказывавшихся близкими соседнему русскому населению. Таким образом, механизмы адаптации и эволюции

переселенческой традиции при любых условиях приводят не к полному сохранению и воспроизведению материнских традиций, а к складыванию нового локального варианта культуры. Степень сохранности и развития зависит от множества социально-экономических, исторических и этнокультурных факторов.

Во втором разделе прослеживается влияние конфессиональных особенностей и их проявление в обрядности народного календаря. По числу старообрядчества Пермская губерния в XIX в. занимала одно из первых мест в России. Очаги старообрядчества в регионе в основном складываются в тех районах, заселение которых происходило в конце XVII – XVIII в., значительное число сторонников «старой веры» проживало и на уральских горных заводах. На территории Пермского края распространены несколько старообрядческих согласий: часовенное, поморское, белокриницкое, беглопоповское, а также общины бегунов (странников).

При исследовании специфики календарной обрядности старообрядческого населения учитывается несколько аспектов: особенности, свойственные всем старообрядцам, выявление характерных черт того или иного согласия; исследование народного календаря у групп старообрядческого населения как локальных комплексов обрядности. Среди специфических черт старообрядческих традиций нами выявлены традиционализм, проявившийся в сохранении комплекса традиционных народных представлений, консервация многих обычаев, обрядов и поверий. В силу традиционности старообрядчество демонстрирует и высокую степень сохранения архаичных элементов этнической культуры. Важной особенностью старообрядчества было значительное влияние на народные формы культуры, в том числе и обрядности, традиции книжной.

Существование различных старообрядческих согласий, решения, принимаемые соборами местных общин, установки наставников, часто не фиксированные в письменном виде, усиливали значимость и устной традиции, запретов, преданий и предписаний, увеличивали вариативность обычаев у разных общин даже в рамках одного согласия. Характерным для старообрядческих традиций было и ограничение досуговых, развлекательных

элементов праздничной культуры, часто воспринимаемых как «греховные». Однако при общей установке на аскетизм и ограничение досуговых элементов последние продолжали активно бытовать и в старообрядческой среде, каждая из локальных традиций вырабатывала свое компромиссное решение в отношении к этим формам культуры. Например, среди поморских старообрядцев Верхокамья «компромиссный» характер имело разделение всех членов общины на «соборных» и «мирских». Общественные развлечения, светские песни, тем более танцы исключались только из жизни «соборных». Носителями этих компонентов традиционной праздничной культуры оставались лишь «мирские» члены сообщества.

Отдельные комплексы обрядности имеют специфические особенности, связываемые лишь с тем или иным старообрядческим согласием. Эти особенности мы прослеживаем на примере ритуалов и представлений о святой крещенской воде. Для *часовенных* Прикамья было характерно в годовом цикле праздников освящение «Великой», «Крещенской» (на Крещение) и «Малой», «Спасовской», «Успенской» (на Спасов день, 14.08) святой воды. «Великая», или «Большая», вода считалась неприкосновенной, использовалась только для предсмертного причастия, в то время как «Малая» вода – повседневной. Существовал особый чин освящения «Крещенской» воды в начале службы. Иной комплекс представлений бытовал у старообрядцев *белокриницкого согласия*. Статус воды здесь также зависел от времени ее освящения – вечером накануне Крещения или днем, в праздник. Различие в статусе также закреплялось в терминологии: утренняя / святая, великая / вечерняя. Старообрядцы *поморского согласия* считали, «в Крещенье вся вода святая, Господь воду святил». Поэтому в поморских традициях предписывалось просто набирать воду в ключе в ночь на Крещение. Такие же представления о святой воде были характерны и для старообрядцев-*бегунов* Верхней Колвы.

Третий раздел посвящен особенностям бытования календарной обрядности у русского горнозаводского населения. Начало формирования заводского населения связано со становлением горной промышленности на Урале с начала XVIII в. В XIX в. в Пермской губернии доля заводского населения составляла 23,5%. Особенности социального статуса и

хозяйственных занятий стали основной причиной появления специфических черт традиционной культуры горнозаводского населения. У заводских сохранялись все празднично-обрядовые циклы, все основные элементы того или иного комплекса обрядности, что отличает регион от других промышленных центров России, где традиционный народный календарь как целостная система был утрачен. Причины такого явления – в особенностях уральской горнозаводской промышленности, которая была тесно связана с аграрной средой. В то же время календарная обрядность приобрела и некоторые специфические формы. Значительные изменения в заводской среде претерпел комплекс обрядов, связанный с хозяйственными занятиями: среди заводского населения не фиксируются обряды, ориентированные на основные этапы земледельческих работ, так как основным источником существования была работа на заводе. Особенностью явилось формирование трудовых праздников, переосмысление традиционных в контексте новых представлений. Праздник по случаю начала ледохода «провожание Камы», отмечавшийся в Добрянском заводе, например, приурочивался ко времени встречи первого парохода. Новые социально-экономические отношения отражались на трансформации традиционных общинных институтов. Во многих заводах «катушку» на Масленицу готовили рабочие по распоряжению заводоуправления, за катание брали плату. Древний смысл и аграрная символика праздников, сохранявшаяся у крестьянства, во многом была утрачена в заводской среде, для многих праздников был характерен лишь досуговый характер. Одной из характерных черт горнозаводской среды стало и активное проникновение в нее элементов «городской» культуры. Именно заводская среда в Прикамье часто служила «проводником» городских культурных форм в крестьянскую среду.

В четвертом разделе рассматриваются особенности календарной обрядности, сложившиеся под влиянием иноэтнического окружения. В разделе раскрываются особенности этнического состава населения Прикамья, освоенного также финно-угорскими (коми-пермяки, удмурты, марийцы) и тюркскими (татары и башкиры) народами. Выявляются факторы, способствующие межэтническому взаимодействию русских с другими

народами края, а также особенности и стадии межэтнического взаимодействия и заимствований.

В южных районах Прикамья наиболее интенсивными были контакты русских с тюркскими народами – *татарами и башкирами*. Взаимодействие в первую очередь выражалось в участии татар и башкир в русских праздниках, присутствии в обрядности образа «чужого» народа (например в святочном ряженье). В крае сложился своеобразный этикет приема гостей и работников татар. В межэтническом взаимодействии в календарной обрядности, с одной стороны, мы наблюдаем реализацию одной из важных оппозиций: свое/чужое, мы/они, формирование образа «чужого» народа и включение этого образа в систему традиционной культуры, в том числе в календарную обрядность. С другой стороны, совместное проживание, социально-экономические контакты требовали взаимодействия, этики подобного рода взаимоотношений, что достигалось традициями гостевания, совместным участием в праздниках друг друга.

Иную ситуацию межэтнического взаимодействия мы наблюдаем в северных районах Прикамья, где русские активно контактировали с *коми-пермяками*. Контакты русских и коми-пермяков начались сразу с момента освоения Пермского края русскими, в тот период, когда русские осваивали Пермское Прикамье и происходили процессы сложения коми-пермяцкой народности. Формирование русского населения Прикамья происходило не только при активных межэтнических контактах, но и при участии коми-пермяцкого компонента. Следует отметить и обратный процесс «опермячивания» русских, участие их в формировании современного коми-пермяцкого населения. Активность межэтнических контактов обуславливалась и единством природно-климатического ландшафта, общей конфессиональной принадлежностью. Взаимодействие с коми-пермяцким населением приводило к архаизации и консервации многих элементов традиционной календарной обрядности. Эта закономерность и в целом характерна для полиэтничных территорий и зон активного взаимодействия.

Иноэтническое окружение способствовало и актуализации некоторых элементов традиционного комплекса календарной обрядности. Например,

представления о святочных мифологических персонажах шуликунах были характерны для всей севернорусской зоны, однако в Прикамье в начале XX в. комплекс представлений об этих персонажах сохранялся именно в пограничных русско-коми-пермяцких территориях.

Целый комплекс представлений, характерный лишь для традиций русско-коми-пермяцкого пограничья, следует связывать с общим пластом культуры, который нельзя свести к заимствованиям из русской или коми-пермяцкой культуры, как и невозможно объяснить в рамках одной культуры.

Отдельные элементы календарной обрядности русских испытали определенное влияние коми-пермяцких традиций. Этот тезис относится, например, к некоторым чертам поминальной обрядности. Характерным в Прикамье было использование русскими древней коми-пермяцкой сакральной топографии и включение в обрядовую практику природных объектов. Коми-пермяцкие заимствования, в целом характерные для русских говоров региона, нашли своеобразное отражение и в терминологии календарной обрядности (*Рошво, Орошво* – Рождество, *Святтё, Цвете* – Святки, термин *калян, каляны* для обозначения ряженых).

Исследование показало, что межэтническое взаимодействие и иноэтнические инновации способствовали приобретению лишь некоторых специфических черт календарной обрядности русских Прикамья. В основе своей русский календарь в Прикамье, несмотря на активные контакты с соседними народами, сохранил структурную целостность, типологическую близость календарной обрядности русских других регионов. Русские в своем движении на новые земли несли сформировавшийся и устойчивый комплекс календарной обрядности, способный не только сохраняться, но и адаптироваться к новым природно-климатическим и этнокультурным реалиям.

Заключение подводит общие итоги исследования. Представленные в исследовании календарные праздники и обряды русского населения Пермского Прикамья позволяют говорить о значительном разнообразии и вариативности регионального комплекса народного календаря. При этом пермская традиция сохраняет пласт восточнославянских и шире – славянских мировоззренческих

представлений как по структуре основных празднично-обрядовых комплексов, так и отдельных элементов.

Проведенный в рамках работы анализ показывает, что основой создания системы календарных праздников и обрядов русского населения Пермского Прикамья служат переселенческие традиции. В его дальнейшей эволюции проявились вариативность и саморазвитие обрядов, адаптация к изменившейся экологической, исторической, социально-экономической и этнокультурной ситуации. Подобные процессы были в целом характерны для периферийных групп русских. Именно в результате адаптационных и трансформационных процессов формировалось своеобразие русской календарной традиции Прикамья.

Календарные праздники и обряды русского населения Прикамья дают богатый материал для изучения разных аспектов мировоззрения. Общепризнано, что одной из фундаментальных основ не только системы народного календаря, но и всей традиционной культуры в целом являются представления о времени. Пермские материалы показали сложность представлений о времени у различных групп русского населения: их характеризовала многомерность в восприятии отрезков всех временных циклов, наделение каждого периода времени качественными характеристиками. Народная традиция выделяет годовой, месячный, недельный, суточный циклы, а также жизненный цикл человека, соотносимые с природными и астрономическими явлениями. При этом наблюдается изоморфизм в их восприятии, представления о структуре суточного и годового цикла почти идентичны.

При бытовании народных представлений и о цикличности, и о линейности времени в структуре земледельческого года отражается преимущественно его цикличность, основанная на повторяемости основных природных и хозяйственных циклов.

Представления о времени русских Прикамья в изучаемый период не укладывались в стройную схему, они реконструируются на основе множества локальных вариантов. В исследуемый период народный календарь учитывал несколько систем времяисчисления: лунный, солнечный, хозяйственно-

фенологический, юлианский и григорианский календари. Базовой календарной системой счета в конце XIX в. выступал церковный календарь, основанный на юлианской и лунной системе исчисления времени. Именно с церковным календарем связывалась сложившаяся система праздников, чередование праздничного и будничного времени.

Церковные праздники становятся главными в народном календаре, к ним приурочивается большое число обычаев и обрядов. Семантика христианских праздников и обрядов отражалась в народном мировоззрении. Исследователи неоднократно отмечали, что русский народный календарь по своим основным параметрам является календарем христианским. Однако восприятие церковного календаря, а затем и гражданского не уменьшило значение народных форм восприятия и счета времени.

Примеров, иллюстрирующих определенную автономность народных обычаев от церковного и гражданского календаря, можно привести достаточно много. Так, приуроченность основных действий с березкой к Троице характерна для большей части Пермского Прикамья. Однако мы имеем немало примеров других календарных сроков обрядовых действий с березкой – Вознесение, Семик, Духов день, Троицкое Заговенье.

Еще большая вариативность наблюдается в приуроченности ритуалов встречи птиц, связанных почти со всеми значимыми календарными датами весеннего периода (Сороки, Благовещенье, Пасха, Николин день, Троица и т.д.). Подвижность и относительность календарных сроков исполнения того или иного обряда выступает одной из существенных особенностей календарной обрядности. Вариативностью отличаются не только сроки приуроченности ритуалов, но также обрядовые формы и символы.

Использование разных систем времяисчисления, множественность критериев для оценки времени, активное взаимодействие церковного и народного календаря, книжной и устной традиции, значительная вариативность обрядовых форм явились одними из факторов многообразия календарных представлений. Разработанность представлений о времени, множественность критериев в восприятии того или иного временного отрезка обусловили гибкость календарной системы, возможность адаптации к различным

природно-климатическим, хозяйственным, социальным и другим условиям, что явилось одной из причин устойчивости представлений о времени у русских на всей территории проживания этноса. Представления о времени не существовали абстрактно, в отрыве от бытового контекста, что является одной из существенных особенностей традиционного мировоззрения, они проявились в развернутой системе календарных праздников и обрядов.

Связь народного календаря с природно-фенологическими явлениями стала основой разделения года на основные сезоны: весну, лето, осень и зиму. Каждый сезон года не только имел определенный набор праздников и обрядов, но и получал мифологическое осмысление. По обрядовому наполнению значительно выделяется весенний период народного календаря. В природных процессах, нашедших отражение в календарных паремиях, приметах и поверьях этого периода, отразились процессы весеннего пробуждения природы, начала вегетации растительного мира. Осмысление этих явлений получало и ритуальное воплощение. Проводы «старого» времени, связанного с зимней тематикой, стали основной идеей обрядов, связанных с началом ледохода и проводов льда, увеличение светового дня. Наступление теплой погоды, появление растительности, первый гром также оказались ритуально оформлены в виде предписаний и календарных запретов. Начало весны осмысливалось как начало новолетия. В русле этих представлений вполне закономерно присутствие в этой части календаря значительного комплекса очистительных, прогностических и продуцирующих ритуалов. Основным символом весны становится яйцо, связанное с идеей новой жизни. Весенними символами следует также считать вербу и березку, олицетворявших весеннее пробуждение природы. Целостность в восприятии весеннего времени обусловлена и тем, что одни и те же символы характеризуют почти все обрядовые циклы, а приуроченность многих весенних ритуалов к календарным датам достаточно условна. Начало нового земледельческого, хозяйственного года обусловило развернутость в весеннем комплексе обрядов, связанных с первым выгоном скота, началом полевых работ. Существенной особенностью в мифологическом восприятии весеннего времени следует считать манистический комплекс, реализующийся в первую очередь в поминальных обрядах весеннего периода.

Весенняя обрядность, как наиболее значимая в годовом цикле праздников и обрядов, наиболее полно представлена ритуалами, связанными с основными компонентами народного календаря – фенологическим и хозяйственным содержанием, с культом предков, с социальной деятельностью человека. Такой полноты и развернутости мы не увидим в другие календарные сезоны.

С представлениями весеннего времени перекликается в народном календаре мифологическое восприятие осени, однако с обратной направленностью, с идеей завершения как природных, так и хозяйственных процессов. В осеннем периоде, как и в весеннем, отдельных комплексы представлений и обрядности разворачиваются в контексте фенологических изменений в природе. В календаре обыгрываются уменьшение светового дня, тепла, отлет птиц, залегание животных в зимнюю спячку и т.д. Хозяйственная обрядность осени также соотносится с завершением хозяйственной полевой деятельности и летнего выпаса скота. Наиболее развернутым комплексом обрядности осеннего периода выступает жатвенная обрядность. В отличие от прогностической и продуцирующей направленности весны, комплекс весенней обрядности направлен на завершение активной коммуникации человек–природа, реализующейся в первую очередь в завершении хозяйственной деятельности. Крайними концептуальными датами календаря, с которыми связывается переход в зимний сезон, выступают Воздвиженье и Покров.

Собственно летнему периоду в народном календаре русских Пермского Прикамья, как и других регионов, отведено очень непродолжительное время – с Троицкого Заговенья до Ильина дня. Развитых обрядовых комплексов, соотносимых с тем или иным летним праздником, почти нет, однако паремии и представления также позволяют говорить об особом мифологическом статусе летнего времени. Летний период выступает как один из самых «строгих», а следовательно, и опасных периодов года, многочисленные запреты на работу, на контакты с природными стихиями, пищевые запреты связываются почти со всеми летними праздниками. Эти представления наглядно раскрываются в обычаях и поверьях, соотносимых со временем цветения зерновых, периодом летних грозных праздников, с пищевыми запретами второй половины лета – начала осени. Осмысление этого периода, с нашей точки зрения, связано с тем,

что именно на него приходится наиболее ответственное время роста и вызревания хлебов, напрямую зависящих от покровительства природных сил. Ограничение хозяйственной деятельности в период «Цветья» и грозных праздников лета, напрямую связанных с представлениями о цветении и вызревании хлебов, было вызвано стремлением избежать любого неблагоприятного воздействия на природу в этот ответственный период. Лишь в случае засухи в стремлении возвратить природное равновесие прибегали к дополнительным окказиональным ритуалам.

Начало и завершение природных процессов, начало и завершение земледельческих работ, приходящиеся на активный период года, позволяют рассматривать весну, лето и осень как один собственно летний период, противопоставленный зимнему «сну природы» и перерыву в хозяйственной, прежде всего земледельческой, деятельности человека.

Продолжительный зимний период народного календаря осмысляется как перерыв в хозяйственных работах, природных процессах, в то же время он сохраняет прогностическое и продуцирующее значение для всего года. Многие ритуальные действия святочной и масленичной обрядности призваны обеспечить благополучие на весь предстоящий год. Обрядность зимы, как и других периодов года, связана с осмыслением всех основных циклов: социального, природного, животноводческого, земледельческого. Значительное место в этом периоде отведено социальным коммуникациям, раскрывающимся в брачных ритуалах и свадебных периодах этого времени, а также взаимодействию мира человеческого и потустороннего, более всего реализовавшегося в представлениях святочного периода. Масленичный же период календарно и может быть соотносим с зимним временем, но семантика и символика многих ритуалов Масленицы связана с весенними праздниками, подготовкой к новому природному и хозяйственному циклу.

Структура народного календаря русских Пермского края, а также большая часть относящихся к нему обычаев, обрядов и праздников свидетельствует об их единстве на всей территории региона, что позволяет говорить о специфике именно пермского комплекса календарной обрядности. В то же время локальные традиции показывают многообразие и многовариантность

календарной обрядности Пермского Прикамья, что обусловлено действием целой группы факторов: исторической спецификой освоения Пермского края русскими, особенностью адаптации переселенческих традиций к новым природно-климатическим, социально-экономическим и этнокультурным реалиям, сложным социальным, конфессиональным составом его населения, влиянием, которое оказало на пермские традиции иноэтническое окружение.

Характерные черты календарной обрядности проявлялись в Прикамье в разных региональных, конфессиональных и социальных группах населения. Особенности календарной обрядности наблюдаются в разных историко-этнографических районах Прикамья. Традиции каждого района свидетельствуют о разной степени близости к исходным вариантам, основным комплексам обрядности севернорусской и среднерусской этнографических зон.

На основе результатов исследования календарной обрядности в старообрядческих группах можно сделать вывод о сохранности комплекса традиционного народного календаря, в том числе и архаичных ее элементов, и в то же время ограничение досуговых форм праздничной культуры. Специфические черты характеризуют также каждое старообрядческое согласие, однако они, прежде всего, связаны с осмыслением и интерпретацией христианских канонов (сроки поминовения умерших, чин освящения воды и т.д.), а не народных форм календарной обрядности. Особенности, обусловленные действием конфессионального фактора, в старообрядческих группах не исключают их календарную обрядность из контекста региональных традиций. Структура и основные элементы обрядности сближают традиции разных старообрядческих согласий и православных. Старообрядческим традициям народного календаря свойственны та же специфика, что и этнотерриториальной группе в целом, к которой они принадлежат.

Наиболее существенные процессы трансформации, придающие своеобразие календарной обрядности, наблюдаются у горнозаводского населения Пермского края. При сохранении целостности народного календаря и бытовании всех основных празднично-обрядовых комплексов, сближающих календарную обрядность «заводских» с крестьянскими традициями региона, мы наблюдаем разные стадиальные уровни эволюции народного календаря. В

заводской среде в результате трансформационных процессов сложился стадиально более поздний, приближенный к городским формам вариант календарной обрядности, в первую очередь за счет утраты аграрной основы и общинных форм народного календаря, усиления досуговых элементов и проникновения городских форм культуры.

В результате длительных и интенсивных межэтнических взаимоотношений русский народный календарь воспринял лишь отдельные иноэтнические инновации, сохранив целостность структуры и основных форм обрядности. Большее число заимствований наблюдается в районах контактов русских с финно-угорским коми-пермяцким населением и значительно меньше в зоне контактов русских с тюркскими народами – татарами и башкирами. Существенное влияние, которое оказал русский народный календарь на традиции соседних народов, сохранение этнической основы при интенсивных контактах с соседними народами позволяют говорить о значительном адаптационном потенциале русского народного календаря.

Исходя из типологического анализа календарных праздников и обрядов русских Пермского Прикамья можно в общих чертах определить их место в контексте основных зон расселения русского этноса, обладающих и определенной спецификой традиционной культуры. Общий взгляд на календарную обрядность Пермского Прикамья свидетельствует о ее переходном характере региона между северно- и среднерусской зонами, что в первую очередь обусловлено особенностями формирования населения края. В то же время черты севернорусской обрядности, с нашей точки зрения, в целом преобладают над среднерусскими. Разные территориальные комплексы календарной обрядности Пермского региона также свидетельствуют о разной степени взаимосвязей с северными и среднерусскими регионами. Северное Прикамье характеризуется более устойчивыми чертами севернорусской обрядности, нежели южные районы Прикамья, где значительны элементы обрядности, тяготеющие к среднерусской зоне. Отдельные локальные традиции также характеризует разная степень близости к тому или иному комплексу обрядности. Исходя из наших наблюдений, территория южных районов

Прикамья может считаться пограничной между основными северно- и среднерусским комплексом обрядности.

Пермское Прикамье выступает не только пограничным регионом между северно- и среднерусской традициями, но и занимает определенное пограничное положение между западными и восточными зонами расселения русских. Календарная обрядность Прикамья заметно отличается от обрядности русских соседних восточных территорий – Зауралья и Сибири, специфическими чертами которых является мозаичность, множество локальных групп населения со специфическими комплексами календарной обрядности, которую исследователи относят к смешанному типу, с чертами севернорусской, южнорусской и среднерусской обрядности. В этом отношении календарную обрядность русских Прикамья, как и другие комплексы традиционной культуры, характеризует определенная устойчивость и единство традиций.

Исследование значительного числа проявлений календарной обрядности в регионе позволило провести реконструкцию структуры, форм, содержания и вариативности народного календаря, составить представление о календарном культурном комплексе русских Пермского Прикамья в целом и выявить его специфические черты:

– Сложившаяся система народного календаря соответствовала хозяйственно-культурному типу пашенных земледельцев. Земледельческая основа народного календаря сохранялась даже в северных районах, в которых значительное место в хозяйственной системе занимали промысловые занятия охотой, рыболовством, сплавом леса. При этом промысловый цикл в календарной обрядности не был развит.

– Приспособление комплекса календарной обрядности к природно-климатическим особенностям региона: это проявилось в смещении сроков празднично-обрядовых циклов в зависимости от природно-климатических условий, как правило, на более поздние сроки (проведение обрядов Троицы в Троицкое Заговенье или Петров день, перенесение Семика на более поздние сроки в зависимости от разлива реки и т.д.).

– Слабое развитие календарного фольклора, что характерно для всех его жанровых составляющих.

– Доминирование севернорусской основы календарной обрядности и отдельных среднерусских элементов, характерных для южных районов Прикамья.

– Формирование специфических обрядовых комплексов, характеризующих только пермскую традицию. К таковым можно отнести, например, осенний поминальных цикл, обряды «встречи» и «похорон плишки», представления о периоде «Цветья» трав и злаков.

– При единстве структуры и основных праздничнo-обрядовых комплексов и элементов значительное многообразие локальных вариантов, обусловленное сложным этническим, социальным и конфессиональным составом населения региона.

– Становление специфического «горнозаводского» комплекса календарных традиций как следствие формирования особой социальной категории уральского населения.

– Наличие комплекса заимствований, обусловленных межэтническим взаимодействием.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях, с общим объемом авторского вклада 138,8 п.л.

Публикации в научных изданиях из списка ВАК

1. *Черных А.В.* «Сей поесъ следуетъ носить» (надписи на поясах в Пермском Прикамье) // Традиционная культура: Научный альманах. 2003. № 3. С. 41-47. (авторский вклад 0,8 п.л.)

2. *Черных А.В.* Народный календарь в русских традициях Пермского Прикамья (кон. XIX – пер. пол. XX в.): 1. Обряды встречи птиц // Традиционная культура: Научный альманах. 2007. № 1 (25). С. 52-59. (авторский вклад 0,6 п.л.)

3. *Черных А.В.* Народный календарь в русских традициях Пермского Прикамья (кон. XIX – пер. пол. XX в.): 2. Обряды пасхального цикла // Традиционная культура: Научный альманах. 2007. № 1. (25). С. 59-72. (авторский вклад 1,2 п.л.)

4. *Черных А.В.* «Крещенская» и «Спасовская» святая вода у часовенных старообрядцев Пермского Прикамья // Уральский исторический вестник. 2007. № 3 (17). С.84-87. (авторский вклад 0,4 п.л.)

5. *Черных А.В.* Обычаи, связанные с домашним скотом, в календарной обрядности русских Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 135-144. (авторский вклад 1 п.л.)

6. *Черных А.В., Октябрьская И.В., Охотников А.Ю.* «Камва-2007»: Традиционная культура в пространстве этнофутуристического фестиваля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 122-132. (авторский вклад 0,3 п.л.)

7. *Черных А.В.* «Святая вода» в старообрядческих традициях Пермского Прикамья // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №5 (106). Серия «История». Вып. 23. С. 88-92. (авторский вклад 0,6 п.л.)

Монографии и главы в коллективных монографиях

8. *Черных А.В.* Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX вв. (по материалам южных районов Пермской области). Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. 260 с. (авторский вклад 10,3 п.л.)

9. *Черных А.В.* Куединские праздники: Традиционный календарь русских Куединского района Пермской области. Пермь: Изд-во Перм. обл. науч.-исслед. центра авитальной активности, 2003. 192 с. (авторский вклад 10 п.л.)

10. *Черных А.В.* Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды кон. XIX – сер. XX в. Ч.1. Весна, лето, осень. Пермь: Пушка, 2006. 368 с. (авторский вклад 21 п.л.)

11. *Черных А.В.* Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды кон. XIX – сер. XX в. Ч.2. Зима. Пермь: Пушка, 2007. 368 с. (авторский вклад 21 п.л.)

12. *Черных А.В.* Народы Пермского края: История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с. (авторский вклад 31 п.л.)

13. *Черных А.В.* Юрлинский край: Традиционная культура русских кон. XIX – XX вв. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 2003. 496 с. (в соавторстве с А.А. Бахматовым, И.А. Подюковым, С.В. Хоробрых). (авторский вклад 5 п.л.)

14. *Черных А.В.* Масленица в Прикамье (кон. XIX – пер. пол. XX в.). Пермь: Изд-во Перм. обл. науч.-исслед. центра авитальной активности, 2004. 60 с. (в соавт. с И.А. Подюковым). (авторский вклад 1,5 п.л.)

15. *Черных А.В.* Календарные праздники и обряды // Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская: Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2006. Гл. 1. С. 9-84. (авторский вклад 6 п.л.)

16. *Черных А.В.* Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: Изд-во Перм. обл. науч.-исслед. центра авитальной активности, 2006. 272 с. (в соавторстве с И.А. Подюковым, Н.И. Копытовым). (авторский вклад 5 п.л.)

17. *Черных А.В.* Русские на Кунгурской земле: Формирование и этнокультурная специфика // Подюков И.А., Поздеева С.М., Хоробрых С.В., Черных А.В. «В каждой деревне че-то да разно»: Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь: Пермское книжное изд-во, 2007. С. 7-72. (авторский вклад 1 п.л.)

Статьи в научных изданиях

18. *Черных А.В.* Полевые исследования в Южном Прикамье в 1990-е гг. (методики, итоги, перспективы) // Музеи XXI в.: Взгляд в прошлое и будущее: Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1999. С. 223-227. (авторский вклад 0,3 п.л.)

19. *Черных А.В.* Осенний цикл праздников и обрядов русского населения Южного Прикамья // Этнокультурная история Урала XVI – XX вв.: Материалы Международной научной конференции (г. Екатеринбург, 29 ноября – 2 декабря 1999 г.). Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С.270-271. (авторский вклад 0,3 п.л.)

20. *Черных А.В.* Рекрутский фольклор в контексте обряда // Фольклорный текст-99: Материалы научно-методического семинара. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. С. 26-30. (авторский вклад 0,3 п.л.)

21. *Черных А.В.* Отражение межэтнического взаимодействия в традиционной календарной обрядности (по материалам южных районов Пермской области) // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 1999. №7: Диалог культур. С. 41-44. (авторский вклад 0,3 п.л.)

22. *Черных А.В.* От крестин до погоста: Особенности обрядовых комплектов русской народной одежды (на материалах Чайковского и Куединского районов) // Человек. Чайковский, 2001. №3. С. 12-14. (авторский вклад 0,3 п.л.)

23. *Черных А.В.* Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник: Мужчина в традиционной культуре. М.: Лабиринт, 2001. Вып.1. С. 142-150. (авторский вклад 0,8 п.л.)

24. *Черных А.В.* Русские и татары Прикамья: Межэтническое взаимодействие // Живая старина. 2001. №2. С. 35-37. (авторский вклад 0,3 п.л.)

25. *Черных А.В.* Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. Пермь: Перм. гос. ун-т; Книга, 2001. С. 133-158. (авторский вклад 1,4 п.л.)

26. *Черных А.В.* Традиционный костюм старообрядческого населения юго-западного Прикамья в конце XIX – XX в. // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. Пермь: Перм. гос. ун-т; Книга, 2001. С. 194-211. (авторский вклад 1,1 п.л.)

27. *Черных А.В.* Троицкая обрядность юго-западного Прикамья // Сведомские и село Завод-Михайловский в контексте региональной истории и культуры: Материалы региональной научно-практической конференции. Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 2001. Вып.2. С. 61-66. (авторский вклад 0,3 п.л.)

28. *Черных А.В.* Православная символика в пространстве русской деревни (по материалам этнографических исследований южных районов Пермской области) // Исторический вестник. Материалы Международного научного симпозиума «Православие и культура этноса». М.; Воронеж: Изд-во Воронежско-Липецкой епархии, 2001. №2-3: С. 164-167. (авторский вклад 0,3 п.л.)

29. *Черных А.В.* Этнокультурная адаптация севернорусского крестьянства в Южном Прикамье (на примере форм хозяйствования) // Коренные этносы европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: Материалы Международной научной конференции. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. С. 275-277. (авторский вклад 0,3 п.л.)

30. *Черных А.В.* Особенности системы землепользования русских крестьян Сылвенско-Иренского поречья // Традиционная культура Урала. Екатеринбург: Свердловск. обл. дом фольклора, 2001. Вып. 1. С. 84-92. (авторский вклад 0,7 п.л.)

31. *Черных А.В.* Символы православия в топографии русской деревни (по материалам южных районов Пермской губернии) // Ставрографический сборник. М.: Древлехранилище, 2001. Кн. 1. С. 293-296. (авторский вклад 0,3 п.л.)

32. *Черных А.В.* Особенности межэтнических взаимоотношений в Южном Прикамье // Межэтнический мир Прикамья. М.: Старый сад, 2001. Т. 3. С. 206-211. (авторский вклад 0,4 п.л.)

33. *Черных А.В.* Святочное ряженье у русских Прикамья (по материалам южных районов Пермской области) // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия. Ижевск: Удм. НИИ истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. С. 172-178. (авторский вклад 0,4 п.л.)

34. *Черных А.В.* Праздники традиционного народного календаря и современность: Методические рекомендации по реконструкции календарной обрядности // Этнопедагогика и современная школа: Научно-методический сборник. Пермь: Изд-во Перм. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2001. С. 18-30. (авторский вклад 0,6 п.л.)

35. *Черных А.В.* Праздники и обряды Петровского Заговенья в Прикамье в конце XIX – начале XX вв. // Фольклорный текст – 2001: Материалы научно-практического семинара. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. С. 16.-27. (авторский вклад 1 п.л.)

36. *Черных А.В.* Обряды Иванова дня в Пермском Прикамье в конце XIX – XX вв. // Фольклорный текст – 2002: Материалы научно-практического семинара. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003. С. 31-45. (авторский вклад 1,1 п.л.)

37. *Черных А.В.* Встреча птиц в весенних обрядах народов Северного Прикамья в конце XIX – XX в. // Коми-язьвинцы и историко-культурное наследие Прикамья: Материалы Международной научно-практической конференции. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002. С. 42-53. (авторский вклад 0,5 п.л.)

38. *Черных А.В.* Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – начале XXI вв. // Этнический мир Прикамья: Библиографический указатель. Пермь: Реал, 2003. С. 7-31. (авторский вклад 1,6 п.л.)

39. *Черных А.В.* Обработка льна, прядение и ткачество в календарном цикле праздников и обрядов у русских Прикамья в конце XIX – начале XX вв. // Традиционная культура Урала. Екатеринбург: Свердловск. обл. дом фольклора, 2003. Вып. 3. С. 10-29. (авторский вклад 1, 1 п.л.)

40. *Черных А.В.* «Из-под кустичку цветок выткан поесок...»: Тексты на Прикамском крестьянском текстиле // Родина. 2003. № 2. С. 114-117. (авторский вклад 1 п.л.)

41. *Черных А.В.* Опыт традиционной культуры и современность // Государственная национальная политика в XX-XXI вв.: Региональный аспект: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь: Пермское книжное изд-во, 2002. С. 195-197. (авторский вклад 0,3 п.л.)

42. *Черных А.В.* «Проводы реки» в весенних обрядах русских Прикамья // Живая старина. 2004. № 1. С. 35-36. (авторский вклад 0,3 п.л.)

43. *Черных А.В.* Некоторые подходы к проблеме освоения этнического компонента в образовании // Этническая культура и современная школа. Пермь: Изд-во Перм. обл. науч.-исслед. центра авитальной активности, 2005. Вып. 2. С. 5-10. (авторский вклад 0,4 п.л.)

44. *Черных А.В.* Весенние обряды проводов реки у русских Прикамья // Традиционная культура Урала. Екатеринбург: Свердловск. обл. дом фольклора, 2004. Вып. IV. С. 118-122. (авторский вклад 0,3 п.л.)

45. *Черных А.В.* Изучение календарных праздников и обрядов русских Прикамья в конце XVIII – начале XX вв. // Исследования по истории Урала: Сборник статей. Пермь, Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005. С. 243-261. (авторский вклад 1,3 п.л.)

46. *Черных А.В.* Старообрядцы южных районов Прикамья на рубеже XX-XXI вв. // Русский мир: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение уникальных черт русской культуры и развитие русского этноса в современном обществе». Пермь: Пермское книжное изд-во, 2005. Вып. 1. С. 123-126. (авторский вклад 0,3 п.л.)

47. *Черных А.В.* Ритуалы завершения жатвы в русских традициях Прикамья // Национальные культуры Урала: Самобытность, история и

перспективы взаимодействия: Материалы конференции. Екатеринбург: Свердловск. обл. дом фольклора, 2005. С. 133-136. (авторский вклад 0,3 п.л.)

48. *Черных А.В.* Петров день в структуре прикамского народного календаря // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения». Пермь: Пермское книжное изд-во, 2004. С. 118-122. (авторский вклад 0,3 п.л.)

49. *Черных А.В.* Формирование специфики этнических культур народов Прикамья: К проблеме межэтнического взаимодействия // Этнос. Общество. Цивилизация: Кузеевские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Центр этнолог. исслед. УНЦ РАН, 2006. С. 52-54. (авторский вклад 0,3 п.л.)

50. *Черных А.В.* Жатвенная обрядность русских Пермского края // Вестник Пермского университета. Серия «История и политология». Пермь, 2007. № 1. С. 99-112. (авторский вклад 1, 2 п.л.)

51. *Черных А.В.* Межэтническое взаимодействие как фактор формирования специфики традиционных культур народов Прикамья // Русский Север и восточные финно-угры: Проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы 1 Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста (Ижевск, 23-26 окт. 2005 г.). Ижевск: Удм. НИИ истории, языка и литературы УрО РАН; Ин-т мировой литературы РАН, 2006. С. 32-38. (авторский вклад 0,5 п.л.)

52. *Черных А.В.* Одежда в контексте русской календарной обрядовой традиции Пермского края // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы V Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 158-160. (авторский вклад 0,3 п.л.)

53. *Черных А.В.* Межэтническое взаимодействие в Прикамье и его проявление в традиционных культурах (на примере календарной обрядности русских Пермского края) // Россия и Башкортостан: История отношений, состояние и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкирии в

состав России (Уфа, 5-6 июня 2007 г.). Уфа: Гилем, 2007. С. 306-308. (авторский вклад 0,3 п.л.)

54. *Черных А.В.* Мифологические представления русских Прикамья о святочных духах // Материалы региональной научно-практической конференции «Национальные культуры Урала: Традиционные культы и верования». Екатеринбург: Свердловск. обл. дом фольклора, 2007. С.113-119. (авторский вклад 0,8 п.л.)

55. *Черных А.В.* Рождественское обрядовое печенье у русских Пермского Прикамья // Питание в культуре этноса. Материалы VI Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С.97-99. (авторский вклад 0,3 п.л.)

56. *Черных А.В.* Терминология святочного ряженья в русских говорах Пермского Прикамья // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: Материалы и исследования. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. Ч.2. С.93-103. (авторский вклад 1 п.л.)

Подписано в печать 22 апреля 2008. формат 60х90 /16
Объем – 2,5 п.л. ПГПУ Тираж 120 экз.

ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет».
614990. Пермь, ул. Сибирская, 24
Участок ризографии. Заказ № 111